

СИНЕ

Центр по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) занимается теоретическими разработками и проводит междисциплинарные исследования в области высшего образования на мировом уровне. Основной задачей центра является распространение актуального, аналитически осмысленного знания о состоянии, тенденциях развития, структуре и основных проблемах международного высшего образования. Руководит центром профессор Ханс де Вит, известный специалист и исследователь международного уровня в области интернационализации высшего образования.

Среди направлений деятельности центра ключевыми являются издание ежеквартального бюллетеня International Higher Education, содержащего лучшие научные разработки и статьи о важных изменениях в области высшей школы на примере локальных, региональных и международных кейсов; отбор

и издание книг и монографий состоявшихся и молодых исследователей из разных стран; работа по активизации исследований в области высшей школы в странах Африки и других развивающихся странах; мониторинг коррупции в сфере высшего образования, а также работа, связанная с кросс-культурным взаимодействием университетов и исследователей.

Центр по изучению международного высшего образования — стратегический партнер ИНИИ НИУ ВШЭ, в сотрудничестве с которым реализован целый ряд исследовательских проектов. Новым этапом совместной деятельности является подписание соглашения о передаче прав на издание и распространение бюллетеня на русском языке.

<http://www.bc.edu/research/cihe/>

НИУ ВШЭ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» является крупнейшим центром социально-экономических исследований и признанным лидером высшего образования в Восточной Европе. Университет активно и успешно занимается исследовательскими разработками в области менеджмента, социологии, политологии, философии, международных отношений, математики, востоковедения и журналистики, объединенных базовыми принципами современной экономической науки.

Преподаватели и сотрудники университета принимают значимое участие в развитии социальных и экономических преобразований в Российской Федерации. Путем проведения системного анализа и комплексных междисциплинарных исследований университет транслирует актуальные экономические знания правительству, бизнес-сообществу и гражданскому обществу.

На базе Высшей школы экономики функционируют 43 исследовательских центра и 21 международная лаборатория, которые занимаются реализацией прикладных и фундаментальных исследований. Одним из приоритетных направлений деятельности университета являются исследования в области высшего образования, объединяющие усилия целого ряда коллективов, работающих в соответствии с мировыми стандартами. Национальные и международные группы исследователей — специалистов в области экономики, социологии, психологии и управления разрабатывают и реализуют сравнительные междисциплинарные проекты. Тематика таких исследований включает вопросы развития мировой и российской системы высшего образования, эффективного контракта в образовании, трансформации академической профессии, подготовки образовательных стандартов, моделей оценки эффективности учреждений высшей школы и многие другие.

<http://www.hse.ru/>

Содержание

Международное высшее образование

№86 / Лето 2016

Международные проблемы

- 6** Важное о недобросовестных издательствах и журналах
Джеффри Билл
- 8** Международные магистранты и аспиранты:
что нам говорит статистика
Габриэле Маркони
- 9** Влияет ли научная мобильность на продуктивность и качество работы ученых?
Гали Галеви, Хенк Ф. Муд, Юдит Бар-Илан

Курс на интернационализацию

- 11** Дискуссия об ученых-администраторах
в международном высшем образовании
Бернхард Штрайтвизер, Энтони Огден
- 13** Состояние дел в интернационализации канадского высшего образования
Карен Макбрайд

Проблемы в Китае и Индии

- 14** Китай выступает за более разумные стандарты для национальных университетов
мирового класса
Чжа Цян
- 16** Высшее образование в Китае: «стеклянный потолок» и «глиняные ноги»
Филип Дж. Альтбах
- 18** Управление рынками и массовизацией высшего образования в Индии
Н. В. Варгхесе
- 20** Академическая свобода в самой большой демократии мира
Вильям Тирни, Нидхи Сабхарвал

Частное высшее образование: изменение глобального ландшафта

- 22** «Новый» сектор частного высшего образования в Великобритании
Клэр Каллендер
- 24** Изменение баланса государственного и частного секторов в системе высшего образования Польши
Марек Квик

Темы Африки

- 26** Частное высшее образование в Тропической Африке: опыт Ганы
Генри Фрам Акплу
- 29** Университеты Кении и их филиалы
Ишмаэль И. Мунене

Страны и регионы

- 31** Чилийские университеты: мифы о бесплатном образовании
Ариана Де Гайардон, Андрес Бернаскони
- 33** Последствия саудизации вузов: локализация в Саудовской Аравии
Манаил Анис Ахмед
- 35** Расширение системы высшего образования в Люксембурге как ответ на глобальные тенденции
Гангольф Брабанд, Джастин Пауэлл

Новые публикации

Новости Центра по изучению МВО

Важное о недобросовестных издательствах и журналах

Джеффри Билл

Джеффри Билл — доцент, сотрудник библиотеки Ауария Университета Колорадо в Денвере, США. E-mail: jeffrey.beall@ucdenver.edu.

Я впервые столкнулся с недобросовестными издательствами в 2008 году, когда мне начали приходить странные электронные письма, преимущественно из Южной Азии, с предложением отправить статью в журналы, о которых я до этого никогда не слышал. Подобный спам приходил с темами вроде Call for Paper, что неправильно с точки зрения грамматики английского языка. И вот что больше всего меня удивило: на сайтах этих журналов было написано, что они взимают с авторов плату за публикации, что принципиально отличается от политики известных журналов, которые не берут с авторов никаких денег.

Эти письма ознаменовали для меня начало эры распространения публикаций открытого доступа по «золотому» пути. В такой ситуации издательские издержки покрываются за счет взносов, которые авторы оплачивают после того, как их работы приняты к публикации. Основное преимущество подобной модели заключается в том, что любой человек может прочитать эти публикации совершенно бесплатно.

Хотя некоторые некоммерческие научные общества взимают с авторов «постраничный сбор» на покрытие издательских издержек, практика перекалывания этих издержек на плечи авторов приобрела крупные масштабы только после распространения коммерческих журналов «золотого» открытого доступа в 2008 году.

Хотя поначалу идея открытого доступа казалась очень перспективной, вскоре стали ясны ее слабые стороны. Издатели поняли, что могут получать больше денег от авторов, если будут публиковать больше статей. Практика рецензирования поставила коммерческое процветание издательств под угрозу, потому что при добросовестном рецензировании многие авторы получают отказ. А отказ равнозначен для издателя, работающего по модели «золотого» открытого доступа, потере дохода.

Соответственно, во многих подобных издательствах процесс рецензирования стал поверхностным: они стали принимать почти все присланные им статьи и набивать карманы полученными от авторов деньгами. И сейчас они делают все для того, чтобы заманить авторов в свои сети и заставить их прислать статью, чтобы получить за нее деньги. Таким образом, недобросовестные издательства и журналы — это те, которые злоупотребляют моделью «золотого» открытого

доступа и нечестным образом наживаются на научных публикациях.

Действительно, недобросовестные издательства и журналы ведут себя нечестным образом, они непрозрачны, а их деятельность не соответствует стандартам издательского дела. Многие из них сообщают заведомо ложную информацию о своем местоположении: они утверждают, что их офис расположен где-нибудь в Лондоне или Нью-Йорке, а на самом деле — в Индии или Пакистане.

Как я писал выше, они часто прибегают к спам-рассылкам, которые уже стали повальными: некоторые ученые каждый час получают по несколько подобных писем. Сотрудники таких издательств целенаправленно ищут исследователей, работающих по грантам, потому что у них есть деньги на оплату взносов. Таким образом, чаще всего мишенью таких издательств становятся представители медико-биологических наук, которые очень часто работают по грантам.

Почему это плохо

Недобросовестные издательства вредят ученым, науке и распространению научных знаний. Как я уже упоминал, они вводят исследователей в заблуждение, притворяясь добросовестными издательствами, хотя на самом деле это самозванцы, которые хотят быстрого обогащения. Занятым ученым зачастую не хватает времени, чтобы проверить репутацию издательства, поэтому они могут ненароком отправить в такое издательство статью или принять предложение стать членом редколлегии.

Низкокачественные журналы, публикуя некачественные исследования, оскверняют науку. Некоторые агрегаты стремятся охватить как можно более широкий круг научных изданий и включают в том числе недобросовестные журналы. Таким примером является Google Scholar, индексирующая сотни низкокачественных и недобросовестных журналов.

Исследователи, которым нужно написать обзор литературы и которые сталкиваются с такими обширными базами, вынуждены тщательно отбирать, какие статьи стоит цитировать, а какие нет. К тому же базами данных регулярно пользуются студенты, у которых нет опыта и навыков, чтобы отличить настоящую науку от мусора.

**Недобросовестные
издательства
вредят ученым, науке
и распространению
научных знаний.**

Мусор от науки иногда называют псевдонаукой, к которой относят теории и утверждения, не подкрепленные полноценными исследованиями. Многие политические активисты стали публиковаться в недобросовестных журналах и тем самым выдавать свою идеологию за науку. К примеру, противники ядерной энергии пишут «научные статьи», которые рисуют ядерную энергию гораздо более опасной, чем она есть на самом деле. А разработчики медицинской продукции, например лекарств, регулярно публикуют статьи, которые якобы доказывают высокую эффективность новых средств.

Авторы-сообщники

Иногда сами исследователи решают ради собственной выгоды воспользоваться предоставляемой недобросовестными издательствами легкой возможностью опубликоваться. Во многих вузах система оценки и поощрения сотрудников основана на количестве опубликованных ими работ вне зависимости от качества. В таких условиях очень соблазнительно по-быстрому написать какую-нибудь статью и отправить ее в подобный журнал. В такой ситуации жертвами становятся добросовестные ученые, которые отправляют свои статьи в престижные научные журналы, опубликоваться в которых сложно и долго. Тем временем появляется все больше недобросовестных издательств, которые специализируются на легких, быстрых и дешевых публикациях.

Проверенные списки

Многие университеты оценивают своих преподавателей по количеству публикаций в журналах, входящих в престижные базы данных, такие как Web of Science или Scopus. Подобный подход тоже небезупречен, потому что иногда составители этих баз все равно по ошибке включают недобросовестные коммерческие журналы. Иногда даже уважаемые журналы снижают планку и начинают принимать большинство присланных статей, не в силах противостоять соблазну заработать.

Географическая направленность

В некоторых регионах мира недобросовестные издательства более успешны, чем в других. Особенно много жертв недобросовестного издательского дела в Восточной Европе, в бывших республиках Советского Союза и в России. Преподавателей там нередко оценивают исключительно по количеству публикаций. Это просто прекрасно для недобросовестных издателей, которые дают возможность опубликоваться быстро, легко и не слишком дорого. Многие исследователи отправляют им свои работы, даже не отдавая себе отчет в том, что они делают. Их статьи быстро принимаются и печатаются, а потом они, обычно неожиданно, получают от издателя счет.

Как только несколько таких издателей «захватывают» регион и преуспевают в привлечении готовых нести

свои деньги авторов, быстро появляются новые подобные издатели. Они плодят новые журналы и новый спам в электронной почте. Сейчас мы как раз наблюдаем, как подобные низкокачественные коммерческие журналы открытого доступа легко приживаются в странах Восточной Европы и бывших советских республиках.

Как распознать недобросовестный журнал

Характеристики недобросовестных журналов становятся узнаваемыми. Как я уже писал, составители таких журналов рассылают спам для привлечения авторов, процесс рецензирования в них проходит очень быстро и зачастую вообще фиктивен, они указывают заведомо неверную информацию о своем местоположении, о своем «высоком» импакт-факторе и о вхождении в престижные научные базы данных. Стало важно проверять данные о журналах открытого доступа, потому что многие их издатели ведут себя непорядочно.

Списки недобросовестных журналов и издателей, которые я публикую, многие исследователи находят полезными. Эти списки доступны на сайте scholarlyoa.com. Они составлены при участии и поддержке многих продуктивных исследователей и содержат названия журналов и фамилии издателей, которых честным ученым стоит избегать.

Долгосрочная перспектива

Публикация в недобросовестном журнале может принести автору временную выгоду, но при этом на долгие годы навредить его профессиональной репутации. Нередко недобросовестные журналы через пару лет исчезают из интернета. Их «редакция» может состоять из одного человека, а журнал — не иметь бэкап-версии. Исследователи клеймят позором коллег, публикующихся в таких журналах, а потенциальные работодатели не рассматривают резюме авторов таких статей.

Мой совет всем ученым: избегайте недобросовестных журналов. Проводите исследования на самом высоком уровне и отправляйте статьи в самые лучшие журналы. Это более трудная и затратная по времени стратегия, но она позволяет снизить риски, связанные с недобросовестными журналами, и открывает для исследователей значительно более интересные научные преимущества в долгосрочной перспективе.

Прим. ред.: предыдущая версия данной статьи выходила в журнале Higher Education in Russia and Beyond (v. 1, no. 7 (2016), p. 77-79).

Международные магистранты и аспиранты: что нам говорит статистика

Габриэле Маркони

Габриэле Маркони — аналитик Управления образования и квалификаций Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). E-mail: gabriele.marconi@oecd.org.

Сегодня каждый десятый магистрант или студент магистерского уровня в странах ОЭСР — иностранец. Среди аспирантов, по данным ЮНЕСКО — ОЭСР — Евростата за 2013 год, иностранцем является каждый четвертый, то есть показатель еще выше. А в Люксембурге и Швейцарии международные студенты составляют более половины всех аспирантов.

Магистратура и аспирантура — это самый высокий уровень образования, основанный на ультрасовременных исследованиях и практических достижениях. Развитие экономики знаний и информационных сообществ ведет к дальнейшей интернационализации научной отрасли и сферы высокоспециализированных услуг. Все больше молодых людей стремятся получить степень магистра или PhD за рубежом, и их больше привлекают страны, инвестирующие в НИОКР значительные средства.

Наличие международного опыта настолько желательно для ученых и специалистов, что Европейская ассоциация университетов в 2015 году прямо рекомендует «предоставлять аспирантам возможность участвовать в международной исследовательской деятельности». Эта идея может быть реализована через участие в международных научных проектах либо частичное или полное обучение за рубежом. Международные студенты «привозят» в принимающую страну самые разные блага, например социальные и деловые контакты из своих стран, а также деньги на оплату обучения и проживания. Кроме того, магистранты и аспиранты могут вносить свой вклад в развитие науки принимающей страны не только в период обучения как студенты, но и позднее как исследователи и высококвалифицированные специалисты. В частности, аспиранты являются неотъемлемой частью исследовательского потенциала любой страны.

Сколько человек учится в магистратуре или аспирантуре за границей?

Международные студенты составляют 11% от всех тех, кто учится в магистратуре или на программах аналогичного уровня в вузах стран ОЭСР, что примерно

вдвое больше, чем среди студентов бакалавриата или студентов, обучающихся на программах бакалаврского уровня. В относительном выражении больше всего иностранных магистрантов обучается в Люксембурге (67%), затем следуют Австралия (38%), Великобритания (36%) и Швейцария (27%).

За редким исключением, доля иностранцев в аспирантуре в странах ОЭСР еще выше, чем в магистратуре. Международные студенты составляют четверть всех аспирантов стран ОЭСР. Почему эти показатели так высоки? Во-первых, большую роль играет сам по себе опыт обучения в международной среде. Кроме того, программы по некоторым дисциплинам недоступны в определенных странах или обладают худшей по сравнению с аналогичными зарубежными программами репутацией. А возможно, дело не в специализации, а в том, что те, кто выбирает зарубежные программы, просто принадлежат к кругу студентов, которые более склонны к путешествиям и более заинтересованы в том, чтобы пожить за границей.

Развитие экономики знаний и информационных сообществ ведет к дальнейшей интернационализации научной отрасли и сферы высокоспециализированных услуг.

В каких предметных областях больше международных студентов?

Почти 60% всех международных аспирантов приходится на представителей естественных, инженерных и сельскохозяйственных наук. А в магистратурах на тех же специализациях обучается всего около 30% иностранцев. В некоторых странах (например, Люксембурге, Нидерландах, Новой Зеландии, Швейцарии и США) иностранцы составляют более половины всех аспирантов в области естественных, инженерных и сельскохозяйственных наук. После окончания аспирантуры международные студенты нередко остаются работать в принимающей стране и тем самым укрепляют ее кадровый потенциал, стимулируют инновации и содействуют внедрению в местную экономику новых технологий и организационных процессов. В странах ОЭСР после обучения на PhD-программах остается примерно четверть иностранных студентов.

Куда и откуда приезжают магистранты и аспиранты?

США принимают 38% от общего числа иностранных аспирантов в странах ОЭСР. Также большая доля иностранцев обучается в аспирантурах Великобритании (13%), Франции (8%), Австралии и Германии (по 5%). Для магистров привлекательными являются те же пять стран, хотя рынок менее однороден: на США приходится 21% от общего числа иностранных магистрантов, на Великобританию — 16%, на Францию и Германию — по 11%, а на Австралию — 8%.

По происхождению иностранные студенты распределяются следующим образом: 23% всех международных студентов, которые учатся в странах ОЭСР, — из Китая, их гораздо больше, чем студентов из любой другой страны, 8% — из Индии, 4% — из Германии. Если смотреть по регионам, большая часть международных студентов (53%) приезжают из Азии. Внутривосточная мобильность также имеет большое значение на магистерском и PhD-уровне (26% международных студентов в странах, входящих в список EU21, — граждане других стран EU21), что немного меньше, чем по системе высшего образования в целом (30%). В США и Канаде уровень региональной мобильности значительно ниже и магистранты и аспиранты из стран Северной и Латинской Америки составляют около 10% от общего числа международных студентов.

Что делает привлекательной принимающую страну?

Наиболее привлекательными для иностранных аспирантов являются государства, которые много вкладывают в НИОКР. Швейцария, например, опережает все страны — члены ОЭСР по объему средств, ежегодно выделяемых на НИОКР; в пересчете на одного студента — около 13 600 долларов США. Поэтому по доле иностранцев среди аспирантов Швейцария уступает лишь Люксембургу. Мексика, Россия и Чили находятся в противоположной стороне списка. Эти страны тратят на НИОКР менее 2000 долларов США в год в пересчете на одного студента и принимают менее 5% иностранных аспирантов.

Наблюдается высокая (0,69) корреляция между уровнем поддержки НИОКР в пересчете на одного студента и долей иностранцев среди аспирантов, а корреляция между уровнем поддержки НИОКР в пересчете на одного студента и долей иностранцев среди магистрантов ниже и составляет 0,57. Интересно также, что уровень финансирования НИОКР сильно коррелирует не с количеством аспирантов в стране (корреляция между этими показателями стремится к нулю), а именно с количеством иностранных аспирантов.

Выделение значительных средств на НИОКР делает страны привлекательными для иностранных магистрантов и аспирантов, так как свидетельствует о развитии качественного образования и исследований,

а также работает на повышение узнаваемости университетов. Но вполне возможно, что на самом деле иностранцев привлекают другие факторы, например такие, как инновации в экономике, социальные или культурные особенности страны, развитие информационного общества. Эти факторы могут иметь значение не только для тех, кто хочет построить научную карьеру, но и для тех, кто получает высококачественное практико-ориентированное образование.

Подводя итог, можно сказать, что значительная доля студентов магистратуры и аспирантуры вузов стран ОЭСР — иностранцы. Международные магистранты и аспиранты предпочитают страны, которые много вкладывают в развитие НИОКР в рамках системы высшего образования. Таким образом, эти страны получают возможность переманивать к себе будущие высококвалифицированные кадры, в частности в сфере науки и технологий. Некоторые страны, например Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Швейцария и США, целенаправленно этим занимаются, в результате чего иностранцы составляют в них больше половины аспирантов в области естественных, инженерных и сельскохозяйственных наук.

Влияет ли научная мобильность на продуктивность и качество работы ученых?

Гали Галеви, Хенк Ф. Муд, Юдит Бар-Илан

Гали Галеви — главный директор библиотечной системы больничной сети «Маунт-Синай» в Нью-Йорке, США. E-mail: gali.halevi@mssm.edu.

Хенк Ф. Муд — профессор отделения компьютерной инженерии и наук об автоматизации и управлении Римского университета Ла Сапиенца, Италия. E-mail: hf.moed@gmail.com.

Юдит Бар-Илан — профессор отделения информатики Бар-Иланского университета, Рамат-Ган, Израиль. E-mail: Judit.Bar-Ilan@biu.ac.il.

В условиях глобализации науки и доступности онлайн-ресурсов для нахождения потенциальных международных партнеров многие ученые ищут возможности получения опыта работы с коллегами за пределами своей организации или даже страны.

Полученные результаты основаны на выборке, куда вошло по 100 лучших авторов от каждой из перечисленных дисциплин, т.е. в общей сложности 700 авторов.

Неизвестно, однако, оказывает ли такой вид научной мобильности положительное влияние на продуктивность или качество их работы. С одной стороны, мобильность может принести положительные результаты, если переход в другую организацию и/или переезд в другую страну позволяет ученому расширить свои профессиональные контакты и получить новые навыки и знания. С другой стороны, необходимость адаптации к новой организации и/или стране может привести к задержке с публикацией новых исследований. К тому же может потребоваться время и на то, чтобы научное сообщество привыкло к новой институциональной аффилиации того или иного исследователя. Мы решили использовать массив, содержащий данные о количестве и импакт-факторе выпущенных учеными публикаций и их институциональных аффилиациях, для изучения вопроса о том, влияет ли мобильность на продуктивность ученых (количество публикаций) и их уровень цитируемости (в абсолютных и относительных цифрах). Мы собрали данные о 700 исследователях за 2010-2015 годы. Исследователи представляли семь разных дисциплин: 1) нейронауки; 2) машиностроение; 3) гуманитарные науки и искусство; 4) онкология; 5) геоэкология; 6) науки о бизнесе; 7) инфектология. Мы воспользовались базой по исследователям SciVal™ (разработка компании Elsevier) для определения страновой принадлежности и институциональной аффилиации попавших в нашу выборку ученых на основе опубликованных ими статей. Мы выяснили, что если ученый хотя бы один раз переходил из одной организации в другую, то его продуктивность и импакт-фактор увеличивались. Больше всего мобильность идет на пользу представителям таких областей, как машиностроение, онкология, гуманитарные науки и искусство, а также инфектология. Интересно, что все попавшие в выборку исследователи в области онкологии и инфектологии хотя бы раз в течение рассматриваемого периода меняли свою институциональную аффилиацию. А вот на исследовательскую продуктивность международная мобильность не оказывает такого влияния. Для представителей таких наук, как геоэкология, гуманитарные науки и искусство, науки о бизнесе,

международная мобильность оказывалась более полезной, чем для других. Возможно, это связано с их более глобальным характером.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что институциональная мобильность исследователей важна для развития их карьеры. Возможно, это объясняется тем, что мобильность позволяет им получить новый опыт и расширить сеть профессиональных контактов. То, сколько раз ученый менял место работы (один или два), не имеет большого значения. Смена страны тоже не оказывает заметного влияния на исследовательскую продуктивность, если только речь не идет о представителях гуманитарных наук и искусства, геоэкологии или наук о бизнесе.

Наибольший эффект с точки зрения исследовательской продуктивности достигается представителями различных дисциплин при разных сочетаниях.

- Нейронауки: наибольший эффект с точки зрения продуктивности достигается, если ученый один раз перешел в другую организацию и переехал в другую страну.
- Машиностроение: если исследователь поработал в трех организациях в пределах одной страны.
- Онкология: если исследователь хотя бы раз сменил организацию, будь то внутри своей страны или за рубежом.
- Науки о бизнесе и геоэкология: если исследователь один или два раза сменил организацию, поработав при этом в двух странах.
- Гуманитарные науки и искусство: если исследователь два раза сменил организацию, поработав при этом в двух странах.
- Инфектология: если исследователь один раз сменил организацию в пределах своей страны.

Полученные результаты основаны на выборке, куда вошло по 100 лучших авторов от каждой из перечисленных дисциплин, т.е. в общей сложности 700 авторов. В будущем следует провести исследование по выборке, куда вошли бы ученые со средним и низким уровнем продуктивности. А сравнение их с высокопродуктивными исследователями позволило бы сделать более точные выводы о влиянии мобильности на продуктивность и качество работы ученых. Полученные нами результаты говорят о том, что обобщать ситуацию в различных дисциплинах нельзя. Значит, необходимо изучать каждую дисциплину в отдельности, выделяя поддисциплины. Объединение результатов по поддисциплинам позволит лучше понять ситуацию в конкретной дисциплине в целом. К тому же проведенное нами исследование охватило лишь небольшой период длительностью 5 лет. Изучение предыдущих десятилетий пролило бы свет на эволюцию научной мобильности и ее влияние на продуктивность и качество работы ученых.

.....

Дискуссия об ученых-администраторах в международном высшем образовании

Бернхард Штрайтвизер, Энтони Огден

Бернхард Штрайтвизер — старший преподаватель в области международного образования, Университет Джорджа Вашингтона (США). E-mail: streitwieser@gwu.edu.

Энтони Огден — исполнительный директор по образованию за рубежом и программам обмена, Университет штата Мичиган (США). E-mail: aogden@msu.edu.

Статья является кратким пересказом книги Higher Education's Scholar-Practitioners: Bridging Research and Practice (Symposium Books, 2016), вышедшей под редакцией Б. Штрайтвизера и Э. Огдена.

Рост межвузовской конкуренции и изменения последних десятилетий в традиционной структуре вузов ставят перед преподавателями и управленцами новые задачи, но одновременно открывают для них новые возможности. Начиная с 1970-х годов в США шло сокращение количества бессрочных академических позиций и параллельно увеличивалось количество контрактных позиций для преподавателей, вспомогательного персонала и всех, кто выполняет академические и административные обязанности. Политика оптимизации расходов и уменьшение государственного финансирования привели к снижению шансов на построение традиционной преподавательской карьеры и к изменению приоритетов и административных практик университетов. Эти изменения оказали огромное влияние на тех людей, которые сегодня работают в академической среде, а традиционное разделение между преподавателями и административными сотрудниками оказалось размыто.

Сейчас многих из тех, кто работает в области высшего образования, уже нельзя назвать только преподавателями или только администраторами. Они стали профессионалами смешанного типа, или, как назвала их британская исследовательница Селия Уайтчёрч, профессионалами «третьего пространства». В США их обычно называют альтернативными академическими профессионалами (alt-ac).

Новые роли в высшем образовании

Традиционно в жизни университета участвуют четыре основные группы лиц: первая — преподаватели, работающие на условиях бессрочного трудового

Сейчас многих из тех, кто работает в области высшего образования, уже нельзя назвать только преподавателями или только администраторами.

договора или претендующие на него, преподаватели, работающие по временному контракту или вне штата; вторая — руководители высшего звена, например ректор, проректоры, деканы, директора центров, заведующие кафедрами; третья — административные и вспомогательные сотрудники среднего звена, выполняющие задачи, поставленные представителями предыдущей группы, поддерживающие деятельность факультетов и административных подразделений, помогающие в реализации программ и проектов; четвертая — студенты. При этом две из этих категорий пересекаются: это преподаватели, которые занимаются исследованиями, готовят публикации и ведут занятия со студентами, и административные сотрудники, которые регулируют академическую деятельность коллег и помогают им быть продуктивнее в их работе.

Сегодня одним из ведущих факторов, влияющих на принятие решений в области международного высшего образования, является повышенное внимание к рейтингам. Вузы стараются идти в ногу со временем, внедряют инновации, связанные со студенческим обменом, программами межвузовского сотрудничества, развития филиалов и внутренней интернационализации. Охватившая весь мир массовизация высшего образования и увеличение потоков входящей и исходящей студенческой мобильности в США привели к появлению специализированных офисов с высокообразованными администраторами. Чтобы удовлетворить запросы коммерческих студентов, университеты нанимают высококвалифицированных менеджеров и специалистов, отвечающих за их академическое и психосоциальное благополучие.

В сложившихся условиях университетам приходится прикладывать много усилий для эффективного управления всеми аспектами комплексной интернационализации. Для этого на ключевые менеджерские позиции приглашают профессионалов высокого уровня, которые, в свою очередь, нанимают высококвалифицированных сотрудников. Многие из тех, кто сейчас работает в этой сфере, относятся к описываемому в данной статье новому классу профессионалов. Это люди с высоким уровнем образования, получившие степень магистра или даже PhD и обладающие

первоклассными административными навыками. Таким образом, появляется гибридный тип сотрудника, объединяющий исследователя и администратора, или тот самый тип ученого-администратора, которого раньше не существовало.

Подготовка ученых-администраторов

Недавнее исследование феномена ученых-администраторов позволило увидеть, что направление развития академической профессии вплоть до нынешнего момента было задано еще самым первым поколением новаторов в сфере международного высшего образования. Начиная с 2000 года значительно увеличилось количество программ, нацеленных на подготовку специалистов в области международного образования. В настоящее время в мире насчитывается 277 магистерских программ, которые выпускают специалистов, получивших знания о проведении сравнительных исследований, глобализации, интернационализации и т.д. В США существует ряд специализированных магистерских программ по подготовке специалистов по работе со студентами, по управлению международным образованием или по работе в администрации вузов.

Работодатели все чаще предпочитают кандидатов, окончивших профильную магистратуру. По данным проведенного в 2013 году опроса членов Форума по зарубежному образованию, более половины респондентов имели степень магистра, а 27% — степень PhD или EdD (доктора педагогических наук). А в 2014 году был проведен опрос членов Ассоциации управленцев в области международного образования (AIEA), ведущих специалистов международных управлений вузов, который показал, что 81% респондентов окончили наивысшую в своей сфере образовательную ступень, то есть получили степень PhD. Таким образом, ученые-администраторы обладают первоклассной теоретической подготовкой и идеально подходят для того, чтобы, с одной стороны, распознавать практические исследовательские вопросы, а с другой — работать в пространстве между наукой и управлением, что обеспечивает им весьма впечатляющий потенциал.

Многочисленные виды деятельности, связанные с интернационализацией, постоянно предоставляют исследователям полезные качественные и количественные данные, пригодные и нуждающиеся в анализе. Изучение этих данных позволило бы лучше развивать данную сферу. Тем не менее, по данным масштабного опроса, который провела Мэнди Рейниг с использованием социальных медиа крупных профессиональных объединений специалистов в области международного образования, лишь 25% респондентов отводили часть своего рабочего времени на исследования, хотя у 52% из них была степень магистра, а у 22% — степень PhD или EdD, при этом в качестве основного препятствия респонденты называли отсутствие времени.

С другой стороны, появляется все больше авторитетных научных журналов, издательств и онлайн-платформ, где специалисты в области интернационализации, международного образования и международных студенческих обменов могут делиться своими эмпирическими наблюдениями и таким образом способствовать развитию своей сферы.

Время сменить парадигму?

Если мы хотим, чтобы зарождающийся класс ученых-администраторов активнее занимался распространением своих знаний, необходимо изменить сложившуюся парадигму, которая определяет содержание и объем работы административных сотрудников. Но если руководители вузов заинтересованы в изменении существующих систем вознаграждений сотрудников, практик найма и бюджетных приоритетов, им стоило бы воспользоваться потенциалом ученых-администраторов на благо институционального развития. Динамичное движение последних десятилетий в сторону интернационализации открыло перед учеными-администраторами в сфере международного высшего образования новые возможности. Требования к профессионалам «третьего пространства» все чаще включают наличие научной степени, проведение исследований и оценивание их качества и даже навыки преподавательской и консультационной работы. Современное высшее образование должно на системном уровне признать и оценить вклад ученых-администраторов в развитие образования.

Дальнейшее изучение места, целей работы и потенциала ученых-администраторов за пределами США было бы весьма полезным. Во многих странах реакция системы высшего образования на рост международной мобильности очень похожа: она заключается в снижении стоимости обучения, развитии гибкой и многоязычной образовательной среды, создании инновационных управленческих структур. Вузы постоянно прощупывают новые идеи по продвижению молодых талантов и в области найма и поощрения сотрудников, и в области условий их работы. Под давлением растущей конкуренции за кадры и международное признание меняются и запросы преподавателей, и возможности администрации. Изучение карьерного пути преподавателей, административных сотрудников и тех, кто работает на стыке двух миров (а таких людей становится все больше), могло бы многое дать нам с точки зрения понимания меняющейся природы высшего образования в мире.

Состояние дел в интернационализации канадского высшего образования

Карен Макбрайд

Карен Макбрайд — президент и исполнительный директор Канадского бюро международного образования (СВІЕ) — организации, которая отмечает в этом году полувек юбилей. E-mail: KMcBride@cbie.ca.

За последние десять лет интернационализация стала ключевым стратегическим направлением развития большинства канадских образовательных учреждений, чему способствуют также разумные политические решения и адекватная практическая среда. Канадское бюро международного образования (СВІЕ) на протяжении полувека помогало учреждениям школьного и высшего образования и содействовало развитию интернационализации, а также отслеживало результаты этого процесса. В этом тексте мы поговорим о том, к чему это привело и каковы перспективы международного образования в Канаде на следующие 50 лет.

Интернационализация в цифрах

Опрос членов СВІЕ, проведенный в 2016 году, позволил выделить три приоритетных аспекта интернационализации: привлечение учащихся из других стран (66%); повышение количества молодых людей, участвующих в зарубежных образовательных программах (59%); внутренняя интернационализация, в т.ч. интернационализация учебных планов (52%). По данным опроса, проведенного членской ассоциацией Universities Canada в 2014 году, интернационализация, или развитие международного взаимодействия, является составной частью стратегии развития 95% канадских университетов, а в 82% университетов интернационализация — один из пяти основных приоритетов. 81% университетов реализуют совместные с зарубежными партнерами образовательные программы. 43% статей, написанных канадскими учеными, подготовлено в соавторстве с одним или несколькими иностранными коллегами, и этот показатель в два раза выше, чем в среднем по миру.

Учитывая то, насколько серьезно канадские образовательные учреждения подходят к интернационализации и сколько они вкладывают в прием иностранных учащихся, неудивительно, что сейчас в Канаде международных студентов больше, чем когда бы то ни было. В 2014 году в стране было 336 000 иностранцев, приехавших по учебной визе (сюда вошли школьники, учащиеся колледжей, а также студенты программ

бакалавриата, магистратуры или аспирантуры), что на 83% больше, чем в 2008 году, и на 10% больше, чем в 2013-м. В это число не входят участники краткосрочных образовательных программ, например студенты по обмену или слушатели языковых курсов, т.к. им не нужна учебная виза, что означает, что приведенные цифры не отражают реальной численности иностранных учащихся, находящихся в Канаде.

К сожалению, возрастающее количество иностранных студентов в стране никак не отражается на международной исходящей мобильности канадских студентов. Традиционно канадские студенты довольно редко уезжали учиться в другие страны, и, по отчетам организации Universities Canada, ежегодно менее 3,1% канадских студентов-очников получали такой опыт. И это несмотря на то, что учившиеся за рубежом канадцы говорят о том, как значимо повлиял на них этот опыт, как он способствовал их научным и карьерным достижениям, как они улучшили коммуникативные навыки, научились приспосабливаться к новым обстоятельствам. Университеты стремятся к увеличению этого показателя. 78% университетов предоставляют финансовую поддержку для участия студентов в программах мобильности; колледжи и университеты постоянно разрабатывают новые, более гибкие варианты международного образования.

Но не только студенты и вузы высоко ценят наличие международного опыта и его влияние на профессиональные навыки. В 2015 году социологическая компания Leger провела опрос, который позволил выявить следующее: 82% работодателей, нанимавших молодых специалистов с международным опытом, считают, что эти специалисты повышают конкурентоспособность компании. Две трети менеджеров по подбору персонала уверены в том, что, если молодые канадцы не начнут мыслить более глобально, в вопросах экономического роста страна рискует отстать от Китая, Бразилии и Индии. Это влечет за собой серьезные экономические последствия, так как экономика Канады во многом зависит от международной торговли, в которой занято 3,3 млн человек. Мы должны развивать наши таланты для развития нашей конкурентоспособности.

К сожалению, возрастающее количество иностранных студентов в стране никак не отражается на международной исходящей мобильности канадских студентов.

Интернационализация для всех

Роль интернационализации как основополагающего элемента процесса повышения качества канадских образовательных учреждений растет. Недавно Сеть лидеров интернационализации Канадского бюро международного образования опубликовала Принципы интернационализации для канадских учебных заведений — документ, который «призван стать для них ориентиром в их ответственной, динамичной и сложной работе».

Можно утверждать, что консенсус о необходимости укрепления фундаментальных принципов интернационализации, того, что называется этическими нормами интернационализации, является важнейшей тенденцией последнего времени. Основываясь на этих принципах, интернационализация становится сквозной во всех учебных заведениях Канады и приводит к переменам в учебных планах, методологии преподавательской и научной деятельности, а также в жизни вузов в целом.

В 2015 году фокус сместился на внутреннюю интернационализацию, т.е. на интернационализацию, проникающую в культуру университета и несущую в себе положительный образовательный эффект для всех студентов. Учитывая многочисленные преимущества интернационализации и признавая то, что не все студенты могут участвовать в программах мобильности, необходимо бросить все усилия на то, чтобы подготовить каждого студента к выходу в глобальный мир. Канада должна последовать примеру других стран, сделать интернационализацию обучения одним из своих приоритетов и проактивно применять к ней инклюзивные подходы.

Глобальное взаимодействие как задача

Перед Канадой стоят задачи отправки как можно большего числа студентов для получения образовательного опыта в других странах и подготовки их к глобальному гражданству. Помимо экономической роли учебные заведения играют ключевую роль в подготовке канадцев, готовых участвовать и лидировать в глобальном сообществе, в подготовке лидеров завтрашнего дня, которые будут анализировать происходящие в мире процессы, вести переговоры на международном уровне, развивать международные связи и участвовать в глобальных международных процессах и проектах.

СВІЕ поддерживает рекомендацию Консультативного совета по развитию канадской международной образовательной стратегии, утверждающую, что страна должна стремиться к ежегодной отправке 50 000 канадцев на учебу за рубеж. Сегодняшнее правительство делает особый упор на вовлечение молодежи в международное сотрудничество, и в этом лично заинтересован новый премьер-министр Джастин Трюдо (собственно, по совместительству он также занимает пост министра по делам молодежи). В связи с этим

СВІЕ призывает руководство Канады к запуску программы, приуроченной к 150-летию основания страны, и призывает представителей частного сектора также участвовать в решении этой задачи и поддерживать соответствующие инициативы.

Что будет в следующие 50 лет?

Так как мы стремимся к тому, чтобы все учащиеся имели возможность получить международное образование, нам необходимо ответить на следующие важные вопросы:

- Что мы будем делать для расширения и углубления международного опыта канадских студентов и обеспечения их знаниями, навыками и профессиональными качествами, необходимыми для жизни в глобализованном мире?
- Как мы будем убеждать преподавателей, что они должны помогать студентам понять глобальные перспективы их образовательных программ?
- Как сделать так, чтобы правительство и бизнесмены увлеклись этой темой?
- Наконец, как привлечь общественное внимание к долгосрочным преимуществам глобального взаимодействия и пользе взаимозависимости стран?

Воздавая должное достижениям прошлого, не стоит забывать о том, что впереди еще много работы.

.....

Китай выступает за более разумные стандарты для национальных университетов мирового класса

Чжа Цян

*Чжа Цян — доцент факультета наук об образовании Университета Йорка, Торонто, Канада.
E-mail: qzha@edu.yorku.ca*

Китай объявил о начале нового этапа кампании по созданию в стране университетов мирового класса. 24 октября 2015 года Государственный совет КНР опубликовал подробный, вплоть до дат, план того, как будут реализовываться амбиции по созданию университетов мирового класса. Кроме того, согласно этому документу планируется разрушить границы между

реализованными ранее инициативами академического превосходства (т.е. Проектами 985, 211 или 2011) и синхронизировать и консолидировать ресурсы для продвижения новой программы.

Возглавить международные рейтинги к середине XXI века

В документе установлены следующие временные рамки: к 2020 году определенные китайские университеты и предметные области должны достичь мирового уровня; к 2030 году таких университетов и областей должно стать больше, некоторые из них должны оказаться в топе международных рейтингов; к 2050 году китайская система высшего образования должна стать мировым лидером.

И центральное, и местные правительства взяли на себя обязательство содействовать реализации этой программы путем концентрации ресурсов в избранных университетах. Начиная с 2016 года каждые пять лет будет проходить конкурс на получение дополнительного финансирования (в настоящее время конкурсный цикл в рамках Проекта 985, например, составляет всего 3 года), что даст вузам больше свободы и гибкости в управлении ресурсами. Средства будут распределяться между теми университетами, которые будут побеждать в конкурсе и демонстрировать академическое превосходство, силу и продуктивность. Для того чтобы обеспечить реализацию этого подхода, 17 ноября 2015 года министерства финансов и образования объявили о создании новой схемы финансирования участвующих в инициативах академического превосходства университетов и приоритетных предметных направлений, находящихся в ведении этих министерств. Этот фонд позволит консолидировать средства, прежде рассеянные по другим программам, и будет целенаправленно работать на превращение этих вузов в университеты мирового уровня.

Новая инициатива более прозрачна по сравнению с предыдущими и будет опираться на конкурсные механизмы распределения финансирования для повышения эффективности и результативности. В рамках новой инициативы равное внимание будет уделяться и учебным заведениям, и отдельным дисциплинам, что в итоге позволит охватить больше университетов, нежели было возможно в предыдущих проектах (в особенности в Проекте 985). Новая инициатива бросает вызов университетам, которые уже заработали высокую репутацию, и побуждает их к жесткой конкуренции друг с другом ради достижения поставленных целей.

Что делают китайские вузы игроками мирового класса?

Однако достичь заявленных целей непросто. Еще нет понимания того, каким критериям должен отвечать университет мирового класса. С другой стороны, международные рейтинги отлично показывают, какие вузы могут претендовать на такой статус. Это университеты,

занимающие в рейтингах первые 50-100 строчек. Рейтинги во многом основаны на результатах научной деятельности вузов и позволяют расставить их по порядку, и похоже, что идеологи новой китайской программы, заинтересованные в том, чтобы в их стране было сконцентрировано много университетов мирового класса, ориентируются именно на эти критерии.

В последнее десятилетие Китай уже начал вливать значительные ресурсы в ведущие вузы для улучшения исследовательской инфраструктуры и повышения их научного потенциала. Расходы 30 богатейших китайских вузов в 2014 году в среднем составляли 1 млрд долларов США, что сравнимо, пожалуй, разве что с американской системой высшего образования, если учитывать, что уровень финансирования вузов в Китае резко поднялся за очень короткий период. Всего пять лет назад такое масштабное финансирование получали лишь пять университетов. Большая часть этих средств направлялась непосредственно на поддержку науки или связанных с ней проектов, так как на оплату труда преподавателей и студенческие сервисы китайские вузы традиционно тратят меньше, чем западные.

Согласно вышедшему недавно Докладу ЮНЕСКО по науке до 2030 года, Китай занял второе место по объему затрат на НИОКР: теперь на эту страну приходится 20% мировых затрат. Таким образом, Китай опережают только США (28%), а Европейский союз (19%) и Япония (10%) отстают от него. К тому же Китай резко усилил свои позиции в области производства знаний. Теперь примерно 20% всех научных публикаций в мире выпускается китайскими учеными (для сравнения: 10 лет назад этот показатель составлял всего 5%). Согласно базе The Nature Index (база отслеживает публикации, выходящие в наиболее престижных научных журналах), Китай опередил все остальные страны по темпам роста количества статей в этой базе: за период с 2012 по 2014 год количество высокоуровневых статей, написанных китайскими учеными, подскочило на 37% (аналогичный показатель по США за указанный период, наоборот, сократился на 4%). Естественно, этим прорывом Китай обязан своим передовым университетам. Уже в 2007 году на сотрудников этих вузов приходилось 85% всех китайских публикаций в международных научных журналах.

Государственный совет КНР опубликовал подробный, вплоть до дат, план того, как будут реализовываться амбиции по созданию университетов мирового класса.

Китаю нужны собственные стандарты оценки достижений университетов

Но даже если ситуация в некоторых университетах улучшится, это вовсе не означает, что улучшится вся система. Иначе говоря, повысить рейтинговые позиции отдельных университетов — это одно, а сделать китайскую систему высшего образования лучшей в мире — это совсем другое. Честно признаемся: отдельные вузы вряд ли кардинально изменят ситуацию, а вот новая модель университета может. Важно понимать, что успеху западных стран в целом способствовали даже не конкретные вузы, а, что еще важнее, прочная сложившаяся университетская модель. В британской модели, к примеру, важное место отводится гуманитарному образованию; немецкая модель подчеркивает роль науки как сферы производства новых знаний; а американская модель вобрала в себя элементы предыдущих двух и стала уделять особое внимание роли университета в обществе.

Как же можно описать новую китайскую систему высшего образования? Согласно новой программе, ведущие вузы страны должны стремиться к тому, чтобы стать университетами мирового класса, развивая при этом «характерные для Китая особенности». Это и так непростая задача. К тому же Китаю теперь необходимо разработать собственные стандарты оценки достижений университетов, которые бы содействовали, с одной стороны, укреплению их роли в мире, а с другой — развитию их культурной идентичности. Разговоры о возможности китайской, или конфуцианской, модели университета продолжаются, но китайские вузы, получающие беспрецедентную поддержку со стороны государства, и так сильно отличаются от западных. К примеру, китайские вузы стремятся учитывать национальную и локальную повестку дня в процессе стратегического планирования и помогать решать задачи национального и местного масштаба. Необходимость исполнения политизированных социальных функций требует от китайских университетов существенных затрат как с точки зрения человеческих ресурсов, так и с точки зрения ресурсов материальных. Но международные рейтинги в их нынешнем виде не учитывают подобную деятельность, и, соответственно, вклад китайских вузов в социально-экономическое развитие систематически недооценивается. Более того, с тех пор, как 30 лет назад правительство Китая сняло запрет на обучение за рубежом и даже стало его поощрять, в стране началась грандиозная утечка мозгов: по оценкам, сейчас более 3 млн китайских ученых работает за границей. С другой стороны, в последние годы китайские вузы научились извлекать выгоду из процесса «циркуляции умов».

Пожалуй, ни одна другая страна не ставит перед собой такие смелые задачи в области академического развития и повышения конкурентоспособности высшего образования, тем более в такие сжатые сроки. Китайская программа просто не имеет аналогов в мире, ее

не с чем сравнить. Возможно, Китаю действительно удастся добиться значительных успехов, но это вовсе не обязательно выразится в том, что китайские вузы взлетят в международных рейтингах. Разработанная китайским правительством программа на самом деле направлена на решение целого спектра задач одновременно, поэтому разумно было бы сформулировать некоторые «китайские стандарты» для более четкого определения направления развития национальной системы высшего образования.

Высшее образование в Китае: «стеклянный потолок» и «глиняные ноги»

Филип Дж. Альтбах

Филип Дж. Альтбах — исследователь, основатель и первый директор Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: altbach@bc.edu.

Поразительные успехи китайского высшего образования маскируют серьезные барьеры, которые мешают китайским вузам взобраться на вершину мирового академического олимпа, а также фундаментальные системные проблемы. Основные структурные проблемы формируют «стеклянный потолок», который может помешать дальнейшему продвижению китайских вузов в международных рейтингах. Данный текст является продолжением интересного размышления Ян Жуя о глубинных проблемах, с которыми сталкиваются вузы данного региона, от коррупции до торговли должностями, которое было опубликовано в 84-м выпуске «Международного высшего образования» под заголовком «Деструктивная академическая культура в странах Восточной Азии».

В Китае основное внимание уделяется небольшому числу знаковых исследовательских университетов, которые в большинстве своем являются участниками программ 985 и 211 и в которые были вкачаны миллиарды долларов США. Без сомнения, эти вложения способствовали наращиванию исследовательского потенциала этих передовых университетов и созданию первоклассной исследовательской инфраструктуры, и наверняка Китай будет пожинать плоды этих инвестиций в течение ближайших нескольких десятилетий. Тем не менее в топ-200 всемирного рейтинга Times Higher Education входят лишь два университета

материкового Китая против трех университетов маленького Гонконга, который хотя формально и является частью Китая, но существенно отличается в плане академической культуры.

«Стеклянный потолок» и «глиняные ноги»

Что мы имеем в виду, говоря о «стеклянном потолке» и «глиняных ногах»? Под «стеклянным потолком» мы понимаем набор обстоятельств, которые могут не дать китайским университетам взобраться на вершину всемирных рейтингов и, что еще важнее, полноценно реализовать свой научный и образовательный потенциал.

А под «глиняными ногами» мы подразумеваем несбалансированность китайской системы высшего образования. Ведущие университеты получают щедрое финансирование и уже могут соревноваться с лучшими мировыми вузами. А вот про остальные, небольшие университеты, университеты прикладных наук (политехнические) и колледжи, через которые за последние два десятилетия прошло огромное количество студентов, подобного сказать нельзя. (В настоящее время Китай является лидером в мире по количеству студентов.) Большинство государственных вузов, которые «приняли на себя удар», связанный с возросшим спросом на высшее образование и постоянно увеличивающимся количеством частных вузов, расположены в самом низу образовательной системы и страдают от недофинансирования, а обучение в них оставляет желать лучшего. Многие критикуют сложившуюся ситуацию, говоря о том, что выпускники этих вузов получают плохую подготовку и, соответственно, не могут устроиться на работу.

Недостаточно иметь несколько высококачественных, элитных университетов. Успешная система обеспечивает качественное высшее образование на всех уровнях, чтобы все студенты получили навыки и знания, необходимые для выхода на рынок труда. Китаю нужна диверсифицированная система высшего образования, которая отвечала бы потребностям самых разных студентов и которая поддерживала бы деятельность вузов разных типов. Китай не единственная страна, где наблюдается подобное рассогласование, но «глиняные ноги», т.е. база ее академической иерархии, создают огромные проблемы для системы в целом.

Чрезмерное бюрократичивание и узость мышления

Китайский подход к высшему образованию иллюстрируют несколько наглядных примеров. Законодательно установлено, что одобрение и финансовую поддержку может получить только та специализация, границы которой закреплены в рамках традиционной дисциплины. Естественно, в XXI веке значение набирают междисциплинарные исследования, поэтому узкая дисциплинарная классификация нецелесообразна. Она ограничивает инновации и научное творчество.

Вот один из примеров, демонстрирующий, как китайским ученым приходится исхитряться, для того чтобы подстроиться под существующие правила и чиновничий образ мышления. Одному известному китайскому университету пришлось отстаивать тот факт, что «исследования в высшем образовании» — это полноценная «дисциплина», с тем чтобы созданный при нем институт высшего образования получил официальное признание, мог нанимать преподавателей и обучать студентов. На самом деле высшее образование как предмет исследования — это междисциплинарная область, которая пользуется методологией разных социальных наук и — да, не является дисциплиной в традиционном понимании. Этот институт занимается исследованиями и преподаванием в области высшего образования, но жизнь его была бы легче, а у сотрудников было бы больше возможностей, если бы чиновники проявляли гибкость и начали бы мыслить в категориях XXI века. С недавних пор власти Китая начали поддерживать ряд междисциплинарных исследовательских инициатив в некоторых ведущих вузах, что, будем надеяться, служит хорошим предзнаменованием.

**Хотя сто ведущих
китайских университетов
добились впечатляющих
результатов, остальные
вузы по-прежнему
борются с трудностями
непрекращающейся
массовизации высшего
образования.**

Другое не менее «полезное» требование заключается в том, что, если факультет или институт хочет иметь возможность нанимать преподавателей на условиях бессрочного трудового договора, он должен вести обучение на уровне бакалавриата. Вообще в мире довольно распространена ситуация, когда факультеты или другие научные подразделения не занимаются подготовкой бакалавров, а фокусируются на науке и, соответственно, подготовке магистров и аспирантов. При этом они могут самостоятельно принимать кадровые решения. А в Китае, где система бессрочных трудовых контрактов еще только зарождается и существует лишь в некоторых передовых университетах, правительство продолжает навязывать вузам жесткие и зачастую контрпродуктивные правила.

Исторически так сложилось, что китайская система высшего образования вобрала в себя все худшее, что только возможно: контракты с преподавателями и административными сотрудниками продлевались автоматически без какой бы то ни было серьезной оценки эффективности их работы, при этом никаких гарантий академических или других свобод у них не было. В то время как ведущие вузы начали вести скрупулезный мониторинг деятельности профессорско-преподавательского состава, все остальные вузы практически никак не отслеживают ни преподавательскую, ни исследовательскую работу своих сотрудников, так что в большинстве вузов процветает посредственность.

Новые тенденции

Многие наблюдатели — и на Западе, и в самом Китае — утверждают, что уже очень скоро китайские вузы займут первые строчки всемирных рейтингов. Но перечисленные нами факты и другие проблемы, включая постоянные ограничения академических свобод, сложности освобождения академической культуры от плагиата и увеличения заработной платы преподавателей, мешают продвижению Китая в международных рейтингах. К тому же нельзя забывать о глубинных, нередко упускаемых из виду низовых проблемах китайской системы высшего образования, которая характеризуется огромным неравенством, так как многие вузы недофинансируются, а качество обучения в них весьма спорно. Многие из этих вузов сейчас преобразовываются в политехнические институты (университеты прикладных наук), что, возможно, будет способствовать созданию в Китае более рациональной системы высшего образования. Хотя сто ведущих китайских университетов добились впечатляющих результатов, остальные вузы по-прежнему борются с трудностями непрекращающейся массовизации высшего образования.

Говоря о будущем китайского высшего образования, необходимо адекватно представлять себе систему во всей ее полноте, а не поддаваться иллюзии, будто бы быстро развивающиеся элитные университеты олицетворяют всю систему в целом. В ней затесались глубинные проблемы, которые нужно решать — или хотя бы наконец обратить на них внимание, потому что в долгосрочной перспективе они влияют на жизнеспособность национальной системы высшего образования.

Управление рынками и массовизацией высшего образования в Индии

Н. В. Варгхесе

Н. В. Варгхесе — директор Центра исследований политики в высшем образовании Национального университета планирования и управления в образовании в Нью-Дели, Индия. E-mail: nv.varghese@niuepa.org.

Текст подготовлен на основе опубликованной ранее статьи Varghese, N.V. 2015. Challenges of massification of higher education in India, CPRHE Research Papers 1, New Delhi.

Нынешний этап в развитии индийской системы высшего образования можно охарактеризовать как этап возрождения. За время, прошедшее с начала XXI века, Индия пережила беспрецедентное по масштабам расширение системы высшего образования. На протяжении последнего десятилетия процент ее ежегодного увеличения исчислялся двузначными цифрами, т.е. она достигла этапа массовизации. Индийская система высшего образования, включающая более 700 университетов, около 37 000 колледжей, 1,4 млн преподавателей и 31 млн студентов, уступает по масштабам только китайской.

Реформы, ориентированные на рынок

Массовизация стала возможна благодаря политическим изменениям, связанным с переходом высшего образования из-под государственного административного и финансового контроля, который замедлял развитие и не обеспечивал необходимого доступа к образованию, на условия рыночного регулирования. Политика либерализации экономики в 1990-х годах создала условия для развития рынка и реализации рыночных реформ в секторе высшего образования, что привело к появлению частных вузов и взрывному росту численности студентов.

Может показаться странным, что страны с состоявшейся рыночной экономикой полагались на государственные вузы в амортизации высокого спроса на высшее образование, а страны с менее развитой экономикой, например Индия, полагались на рынок. Сегодня более 60% индийских студентов учатся в частных вузах.

Изначально частные вузы в Индии строились по модели совместного с государством распределения затрат. Позже появились самокупаемые коммерческие колледжи, где студенты оплачивали обучение (иногда также и дополнительный сбор, взимаемый

еще до поступления). Затем часть из них получила статус «условно университета» (специальный статус, предоставляемый правительством тем вузам, которые официально не могут называться университетами). И наконец, в начале 2000-х появились полноценные частные университеты.

Массовизация и ее характеристики

Вызванная развитием рынка массовизация высшего образования привела к росту рыночно ориентированных технических программ и программ по менеджменту, что, в свою очередь, вызвало перекосы в образовательной сфере. В результате многие выпускники этих программ оказались без работы, что привело к падению спроса на них и к закрытию некоторых частных университетов.

Массовизация способствовала росту внеуниверситетского сегмента и образовательных программ, ведущих к получению приравняемых к дипломам сертификатов. Внеуниверситетский сегмент высшего образования оказался самым быстрорастущим: за период с 2005 по 2012 год численность студентов в нем в абсолютных цифрах увеличилась в 23 раза, а доля сегмента на рынке выросла в 8 раз.

Почти 80% всех студентов в Индии обучается на программах бакалавриата. Доля студентов на программах более высокого уровня довольно низкая, а интерес к исследовательским образовательным программам продолжает снижаться. Эта тенденция может повлечь за собой серьезные последствия: хватит ли в будущем преподавателей индийским вузам?

Массовизация и неравенство

Массовизация высшего образования в Индии сопровождается постоянным уровнем неравенства доступа к образованию или даже его усугублением. С одной стороны, в целом положение представителей различных регионов, социальных групп, полов улучшилось, но при этом темпы роста доступности высшего образования для различных групп сильно различаются. Так, например, в период между 2002/2003 и 2011/2012 учебным годом общая доля молодежи, получающей высшее образование, в некоторых штатах утроилась, в других — удвоилась, а в каких-то — тоже увеличилась, но в значительно более скромных масштабах. Наиболее высокие темпы роста этого показателя наблюдаются в тех штатах, на рынке высшего образования которых доминируют частные вузы, что ведет к усугублению неравенства.

По-прежнему значительны различия в доступе к высшему образованию среди отдельных социальных групп. Гендерное неравенство до сих пор заметно, но благодаря массовизации оно существенно сгладилось. Более того, в некоторых штатах с высокой долей получающих высшее образование молодых людей девушки-студентки даже численно превосходят юношей-студентов.

Вызванная развитием рынка массовизация высшего образования привела к росту рыночно ориентированных технических программ и программ по менеджменту, что, в свою очередь, вызвало перекосы в образовательной сфере.

Массовизация и качество

Массовизация обусловила снижение качества образования. Необдуманное увеличение количества самофинансируемых частных вузов привело к появлению большого количества колледжей с плохой инфраструктурой, низкоквалифицированным преподавательским составом и отсутствием возможностей для проведения исследований. После посещения ряда кампусов «условно университетов» члены экспертного комитета предложили закрыть 41 из них из-за неудовлетворительного качества инфраструктуры.

Индия разработала механизмы внутреннего и внешнего контроля качества вузов. Получение аккредитации в Индии необязательно, поэтому большинство вузов не аккредитованы. Также в большинстве вузов нет подразделений, отвечающих за контроль качества. Вероятно, ситуация скоро изменится, так как Комиссия по финансированию университетов включила наличие аккредитации в качестве обязательного условия для получения грантового финансирования.

Новой тенденцией в индийском высшем образовании становится то, что качество образовательных услуг влияет на число студентов. Численность абитуриентов многих частных вузов, особенно профессионально-технических колледжей, падает из-за сомнительного качества образовательных услуг и высокой безработицы среди выпускников.

Проблемы управления

Существующая структура множества различных контролирующих органов и схем финансирования затрудняет управление системой высшего образования и входящими в нее вузами. А система аффилированных колледжей делает ситуацию еще более сложной. Университеты отвечают за разработку учебных планов, контролируют соблюдение образовательных стандартов, проводят экзамены и выдают дипломы выпускникам своих факультетов и аффилированных

колледжей. Но количество аффилированных колледжей во многих университетах настолько велико, что ими просто невозможно полноценно руководить. Индия должна реструктурировать систему и создать больше маленьких университетов и автономных колледжей, а количество аффилированных колледжей, наоборот, снизить.

Институциональная автономия является обязательным условием эффективного менеджмента. За исключением технологических институтов и институтов менеджмента, индийские университеты автономны лишь в теории. Деятельность государственных университетов по-прежнему чрезмерно зарегулирована и слишком тщательно контролируется правительством. Многие вузы испытывают недостаток средств и полностью зависят от милости государства. Руководители вузов нередко жалуются, что чаще получают директивы, нежели деньги.

Несомненно, что уровень автономии зависит от личности руководителя. Распространено мнение, что размывание институциональной автономии связано с политической обусловленностью назначений членов высшего руководящего состава вузов. У большинства вузов есть собственные управляющие органы, но назначение их членов не всегда происходит без вмешательства со стороны.

Иногда считается, что можно дать вузу автономию в обмен на прекращение финансовой поддержки. Хотя автономия позволяет вузам самостоятельно заниматься мобилизацией ресурсов, наличие базового бюджетного финансирования делает их менее уязвимыми и более эффективными.

Заключение

Индийская система высшего образования, безусловно, продолжит расширяться. Этому будут способствовать такие факторы, как по-прежнему невысокая общая доля молодежи, получающей высшее образование, расширение школьной системы и демографический прирост. В 2020-х годах население Индии будет одним из самых молодых в мире, а по количеству молодежи студенческого возраста она займет третье место. Большинство молодых людей будут проживать в городах, и, будучи выходцами из семей среднего класса, они будут иметь средства для оплаты образования. Это значит, что, возможно, эпоха, когда на принятие решений влиял факт ограниченности бюджетных ресурсов, завершится. Можно ожидать, что Индия и дальше будет реформировать высшее образование, ориентируясь на рыночные потребности.

Основная задача заключается в том, чтобы одновременно обеспечить расширение системы, сократить неравенство и повысить качество образования. Опыт Индии показывает, что, хотя рыночные механизмы и помогают расширить систему и, в частности, привлечь тех, кто готов платить за образование, на рынок нельзя полагаться в том, что касается совершенство-

вания качества и борьбы с неравенством. Таким образом, стратегии будущего должны быть нацелены на эффективное регулирование системы для обеспечения качества и повышения доступности высшего образования для представителей отстающих регионов и ущемленных социальных групп.

Академическая свобода в самой большой демократии мира

Вильям Тирни, Нидхи Сабхарвал

Вильям Тирни — профессор наук о высшем образовании и соруководитель Центра высшего образования им. Пуллиаса Университета Южной Калифорнии. В настоящее время проходит стажировку по программе Фулбрайта в Индии. E-mail: wgtiern@usc.edu.

Нидхи Сабхарвал — доцент Центра исследований политики в высшем образовании Национального университета планирования и управления в образовании в Нью-Дели, Индия. E-mail: nidhis@niua.org.

Событие, о котором пойдет речь, состоялось 9 февраля 2016 года в расположенном в сердце Нью-Дели Университете им. Джавахарлала Неру, в котором учатся около 8000 студентов (преимущественно магистрантов и аспирантов) и который считается одним из лучших в Индии. Профессора и студенты этого университета придерживаются левых взглядов и активно высказывают несогласие с действиями нынешнего правительства под руководством Нарендры Моди. В вузе также есть небольшая, но активная группа членов Всеиндийского студенческого совета — «Ахил бхаратия видьярти паришад» (АБВП), консервативной организации, тесно связанной с другой ультраконсервативной группой индийских националистов «Раштрия сваямсевак сангх» (РСС).

Февральское мероприятие было организовано Демократическим студенческим союзом и первоначально было согласовано с администрацией вуза. Однако после протестов со стороны АБВП оно было официально отменено. Тем не менее организаторов это не остановило, и они провели так называемую культурную программу. Цель программы состояла в том, чтобы посредством поэзии, музыки и искусства почтить память Афзала Гуру, террориста, осужденного за подрыв

парламента в 2001 году и впоследствии казненного. Организаторы также говорили о непрекращающемся противостоянии в Кашмире, о правах жителей этого региона, о важности права на самоопределение. Президент Студенческого союза Университета им. Джавахарлала Неру Канхайя Кумар в знак поддержки принял участие в мероприятии.

Тремя днями позднее ректор впустил в вуз полицию и позволил ей арестовать Канхайю Кумара за антиправительственную агитацию. Многие в стране согласны с тем, что участники мероприятия зашли слишком далеко, допустив в своих выступлениях возможность независимости Кашмира.

Угроза стране или угроза академической свободе?

Эта история на протяжении двух месяцев была в центре внимания не только в университете, но и за его пределами. Правые резко осудили акцию. А министр внутренних дел Индии заявил: «Если кто-то позволит себе выступать с антииндийскими лозунгами или попытается поставить единство и целостность страны под сомнение, пощады ему не будет». Некоторые призывали к физическому насилию против всех, кто допускает антинародные высказывания; другие говорили о том, что университет должен быть закрыт, потому что подобные мероприятия недопустимы в стенах государственного вуза. Судья Верховного суда, выпустивший Канхайю Кумара под залог, сказал, что «целый университет пострадал от просочившихся в него непатриотичных и антинародных паразитов, с которыми нужно активно бороться путем проведения “дезинфекции”».

Сторонники других взглядов считают, что арест Канхайи Кумара и последовавшая реакция являются очередным посягательством на академическую свободу. После того как в 2014 году к власти пришло правительство Моди, более 50 представителей интеллигенции сдали свои медали и награды в знак протеста против подавления академической свободы в индийских вузах. Некоторые считают, что подавление академической свободы со стороны правительства стало

Правильная постановка вопроса в такого рода дискуссиях помогла бы ученым продраться сквозь сложные вопросы, напрямую связанные с тем, как страна видит свои университеты.

причиной многочисленных вынужденных увольнений из академических и профессиональных комитетов и организаций. Недавно назначенные руководители Национального книжного общества, Центрального экспертного совета по образованию, Индийского совета исторических исследований являют собой пример людей, которые полностью поддерживают линию нынешнего правительства. А те, кому пришлось оставить эти посты, были уважаемыми учеными, которые не всегда соглашались с принимаемыми правительством политическими мерами. Многие утверждают, что подобное происходило в академической среде и раньше.

Определение границ академической свободы

Подобные конфликты только подчеркивают значение академической свободы. Академическая свобода — трудноуловимое понятие, требующее вдумчивого отношения со стороны идеологов. Индия — демократическая страна, но, например, понимание того, что является антиправительственной агитацией, здесь значительно отличается от аналогичного понимания в других демократиях, например в США. Если посмотреть на то, какие фильмы и книги подвергаются в Индии цензуре, становится ясно, что это общество гораздо консервативнее американского. Например, в недавнем фильме «Алигарх» (название города в Индии. — *Ред.*) показаны отношения между университетским профессором и рикшей (тоже мужчиной). Этот фильм, не допущенный в Индии к широкому показу, основан на реальной истории ученого, который в итоге покончил жизнь самоубийством. Различные группы пытались добиться запрета показа фильма в университете, где работал прототип главного героя. Что такое академическая свобода: культурная единица, требующая общей договоренности о ее значении, или понятие, границы которого каждый вуз очерчивает по-своему? Содержание большинства программ высшего образования в Индии определяется государственными стандартами. Права ли представительница индийской интеллигенции историк Ромила Тхапар, которая считает централизованную стандартизацию учебных планов покушением на академическую свободу и примером «тоталитарного общества»?

Академическая свобода в учебной и внеучебной обстановке

В целом дискуссия вокруг академической свободы распадается на два основных направления. С одной стороны, то, чему преподаватели учат студентов и о чем говорят в рамках своей исследовательской тематики, помогает понять, что человек может сказать, потому что в своих высказываниях он отталкивается от определенной базы знаний. С другой, за пределами аудитории ученые могут говорить о вопросах, экспертами в которых они не являются. И там, и там возникают конфликты.

Если преподаватель обсуждает со студентами идеи, с которыми кто-то не согласен, это может привести к его увольнению или исключению его текстов из списка рекомендованной литературы. К примеру, роман Рохинтона Мистри «Долгое путешествие», вошедший в шорт-лист Букеровской премии, был исключен из списка изучаемой литературы после того, как один из студентов высказал свое недовольство некоторыми изложенными в нем идеями. Этот роман рассказывает о жизни банковского клерка — этнического парса, живущего в Мумбае. Автор романа негативно пишет об индийской политике, в частности об одной из политических партий. Мумбайский университет исключил эту книгу из списка рекомендованной литературы, что можно считать актом самоцензуры. Похожий случай произошел в Бенаресском индуистском университете, преподаватель которого был уволен за попытку показать своим студентам ныне запрещенный в стране фильм «Дочь Индии» об изнасиловании в Нью-Дели.

События, подобные тем, которые произошли в Университете им. Джавахарлала Неру, вызывают жаркие споры об академической свободе. Помимо дискуссий о том, что можно преподавать студентам, начинаются дискуссии о том, что можно обсуждать на встречах и в клубах во время внеучебных мероприятий. К примеру, Центр санскрита Университета им. Джавахарлала Неру как-то пригласил гуру йоги в качестве основного спикера на научный семинар. Распространено мнение, что этот человек поддерживает нынешнее консервативное правительство. Группа студентов высказалась против выступления этого спикера, потому что, по их мнению, оно стало бы «молчаливым консервативным наступлением». В итоге йогу пришлось отменить свой визит.

Заключение

Некоторые полагают, что для того, чтобы критиковать подходы к академической свободе в сегодняшней Индии, необходимо понимать, какой была ситуация в предыдущем поколении. По существу, они намекают на то, что те, кто критикует текущую ситуацию, просто недовольны правительством Моди и считают его членов идеологами консерватизма. Однако история помогает нам понять некоторые вопросы, например вопрос об академической свободе. Стоит также спросить, действительно ли 28-летний студент заслуживает 21-дневного тюремного заключения за посещение мероприятия, где звучали противоречивые заявления, которые являются, по мнению некоторых, антиправительственной пропагандой. Правильная постановка вопроса в такого рода дискуссиях помогла бы ученым продрагаться сквозь сложные вопросы, напрямую связанные с тем, как страна видит свои университеты.

«Новый» сектор частного высшего образования в Великобритании

Клэр Каллендер

Клэр Каллендер — профессор наук о высшем образовании Лондонского университета Биркбек и Института образования Университетского колледжа Лондона, где она также занимает должность заместителя директора и соруководителя по исследованиям Центра глобального высшего образования (CGHE). E-mail: c.callender@bbk.ac.uk.

Развитие частного сектора высшего образования в Англии, в разговоре о котором нередко используется эвфемизм «альтернативные вузы», является одним из приоритетов британской образовательной политики. Так, правительство уже разрешило студентам частных вузов, обучающимся на аккредитованных программах, подавать заявки на получение государственных субсидий. В 2010 году началась либерализация, которая упростила выход частных колледжей на рынок бакалаврского образования. И это только начало планируемых реформ. В правительственном «зеленом документе» о высшем образовании, который был разработан в 2015 году и скоро будет одобрен на законодательном уровне, планируется максимально сократить барьеры для входа и развития на рынке. Государство хочет получить более широкие возможности регулирования частных вузов и, возможно, гораздо большие прибыли за счет ускорения процедуры получения новыми вузами права выдавать дипломы и носить университетский статус, а также снижения входных барьеров. Почему британское правительство так озабочено продвижением этих идей? Нужны ли Англии частные вузы?

Пока нет никаких подтверждений тому, что альтернативные вузы составляют серьезную конкуренцию государственному или занимаются революционными инновациями, которые могли бы переключить рынок бакалаврского образования, повысить его качество, способствовать повышению его доступности или снижению цен. Наоборот, частные вузы дорого обходятся государству, потому что оттягивают на себя бюджетные средства, которые могли бы пойти на поддержку государственных вузов, требуют значительного внимания и усилий со стороны чиновников, предлагают образование сомнительного качества и способствуют скорее закреплению, а не искоренению существующего неравенства доступа к высшему образованию и результатов обучения. По большому счету, частные вузы угрожают репутации британской системы высшего образования в целом.

Факторы расширения сектора частного высшего образования

Опыт других стран показывает, что к основным факторам развития и расширения сектора частного высшего образования в последние годы относятся стремление удовлетворить постоянно растущий неудовлетворенный спрос молодого поколения на образование, содействие повышению доступности высшего образования и заполнение специфических образовательных ниш. Насколько это применимо к Англии? В 2015 году правительство сняло ограничения по объемам приема в бакалавриат государственных вузов специально для того, чтобы удовлетворить накопившийся спрос. Количество абитуриентов вузов и количество принятых для обучения значительно возросло, так что доля восемнадцатилетних и девятнадцатилетних людей, получающих высшее образование, побила все рекорды (с учетом демографических изменений). В настоящее время студентами вузов очной формы обучения являются 42% всех девятнадцатилетних выпускников английских школ, что примерно на четверть больше, чем в 2006 году. Таким образом, количество молодежи, заинтересованной в поступлении в вузы, значительно выросло, даже несмотря на трехкратное повышение стоимости очных бакалаврских программ в 2012/2013 учебном году. А среди взрослых и тех, кто хочет учиться на очно-заочных и вечерних программах, наоборот, снизился интерес к образованию. Однако прирост количества абитуриентов оказался неравномерен, и в наименьшей степени его ощутили государственные вузы, находящиеся в самом низу присущей Англии иерархической и стратифицированной системы. Некоторые вузы вообще не могут заполнить имеющиеся места, что ставит масштабы неудовлетворенного спроса на высшее образование под сомнение.

Количество абитуриентов вузов и количество принятых для обучения значительно возросло, так что доля восемнадцатилетних и девятнадцатилетних людей, получающих высшее образование, побила все рекорды (с учетом демографических изменений).

А как обстоят дела у молодых англичан из бедных и неблагополучных семей? Помогает ли государственное образование повысить доступность этого самого образования? В 2015 году высшее образование получали 18,5% восемнадцатилетних англичан из неблагополучных семей, что является очень высоким показателем, который, однако, имеет тенденцию к снижению. И тем не менее в 2015 году вероятность того, что молодые англичане из неблагополучных семей поступят в вуз, была на 30% выше, чем пятью годами ранее, и на 65% выше, чем в 2006 году. С другой стороны, наиболее престижные вузы страны таким абитуриентам пока по-прежнему практически недоступны из-за высоких вступительных баллов. В 2015 году в самые престижные вузы смогли поступить только 3,3% абитуриентов из наименее благополучных семей против 20,7% абитуриентов из наиболее обеспеченных семей. Молодежь из малообеспеченных семей и молодежь другой этнической принадлежности по-прежнему чаще всего оказывается в наименее престижных вузах. Знаменательно, что существенный прирост количества студентов никак не повлиял на процент отсеившихся. Уровень отсева в английских вузах в последние годы падает. В 2013/2014 году по итогам первого года из английских вузов было отчислено всего 7% студентов очной формы обучения, а среди студентов очной формы обучения из неблагополучных семей этот показатель составил 8%.

Учреждения дополнительного образования, получающие государственное финансирование, успешно удовлетворяют спрос на нишевые и инновационные образовательные программы. Количество абитуриентов бакалавриата в таких колледжах немного увеличилось по итогам недавних реформ. Такие колледжи особенно хорошо подстраиваются под запросы местных студентов и работодателей, а обучение там дешевле, чем в университетах. Однако именно эти колледжи стали мишенью сокращения бюджетных расходов.

Государственные вузы довольно хорошо справляются с задачей удовлетворения спроса на высшее образование, повышения его доступности и заполнения специфических образовательных ниш. Хотя могли бы и лучше. Причины того, почему правительство решило «закрутить роман» с частными вузами, нужно искать в идеологии. Корни реформ госсектора, в т.ч. в области высшего образования, лежат в концепции неолиберализма с его идеализированными представлениями о рынке. Видение правительства состоит в том, что роль, цели и деятельность сектора высшего образования должны полностью определяться рынком. В основе реформ высшего образования последних лет лежит идея о конкуренции между вузами и о том, что потребители своим выбором будут способствовать повышению их эффективности и инновационности. В связи с этим в 2012/2013 учебном году правительство практически перестало выделять государственным вузам средства на реализацию образовательных программ и повысило стоимость обучения

до 9000 фунтов стерлингов в год, в одночасье превратив свою систему высшего образования в самую дорогую среди стран — членов ОЭСР. Студенты оплачивают обучение за счет льготных кредитов, выдаваемых государством. Эта реформа была направлена на то, чтобы «отвести студентам центральное место в образовательной системе». В результате изменений институциональная культура многих государственных вузов начала меняться. Многие вузы становятся более клиентоориентированными и все больше начинают походить на корпорации. Мы являемся свидетелями приватизации внутри образовательной сферы, которая происходит за счет привлечения в образование частных средств в рамках государственно-частных партнерств, подрядных контрактов, новых финансовых инструментов. Похоже, что государственные вузы вскоре будут весьма похожи на частные. В настоящее время звучат призывы к приватизации системы контроля качества высшего образования.

Сейчас правительство хочет, чтобы приватизация высшего образования способствовала дальнейшему развитию конкуренции и инноваций, чтобы в этой сфере было лучшее соотношение цена/качество, а у студентов — больше выбора, но руководствуется при этом исключительно идеологическими соображениями.

Но нужна ли вообще приватизация высшего образования, принимая во внимание то, что «невидимая рука рынка» и так глубоко проникла в государственный образовательный сектор, а государственные вузы хорошо справляются с задачами удовлетворения спроса на высшее образование, повышения его доступности и заполнения специфических образовательных ниш? Исходя из ограниченных данных о зарождающемся частном секторе высшего образования Англии, ответ — нет. То, что мы знаем об этом вопросе из исследований и официальных отчетов, совершенно не вдохновляет, а государственные чиновники за закрытыми дверями безнадежно пытаются распутать клубок проблем, возникающих в этом недорегулируемом секторе, и разобраться с рисками, которые он несет.

Частные вузы в Великобритании

На сегодняшний день в Великобритании функционируют около 670 частных вузов, большинство из которых основаны совсем недавно и действуют с целью извлечения прибыли. Лишь семь из них имеют право присуждать ученые степени, и только четыре имеют статус университета. В отличие от государственных вузов, большинство частных расположены в Лондоне, они очень маленькие, дешевые, узкоспециализированные, предлагают ограниченный набор курсов и степеней (как правило, ниже уровня бакалавриата) и предъявляют низкие требования к абитуриентам. По подсчетам правительства, сейчас в частных вузах обучается примерно от 245 до 295 тысяч студентов, преимущественно на очных программах, и примерно половина из них — иностранцы.

Численность студентов частных вузов, обратившихся за государственной финансовой помощью, увеличилась десятикратно по сравнению с 2010/2011 учебным годом и достигла 60 тысяч. Если в 2010 году эта помощь обошлась британским налогоплательщикам в 30 млн фунтов стерлингов, то в 2013/2014 году — в 723,6 млн, хотя в 2014/2015 году, когда правительство, обеспокоенное качеством обучения и огромными расходами, ввело ограничения на численность студентов частных вузов, снизилась до 533,6 млн. Счетная палата, которая изучает государственные расходы по запросу парламента и помогает парламенту держать правительство в узде, опубликовала изобличительный доклад по результатам оценки программы финансовой помощи студентам частных колледжей. Оказалось, что многие студенты получали финансовую поддержку, хотя не имели на нее никакого права, вузы принимали абитуриентов, которые не могли или не хотели учиться, уровень отсева в частных вузах был в пять раз выше, чем в государственных, вузы зачисляли абитуриентов на неаккредитованные учебные программы и предоставляли недостоверную информацию о количестве студентов и посещаемости.

Все эти примеры явно показывают, что частные вузы наживаются за счет государственных средств и являются обузой для бюджета. Учитывая, сколько средств на них тратится и как мало налогоплательщики получают взамен, встает вопрос о том, действительно ли они являются для абитуриентов более дешевой по сравнению с государственными вузами альтернативой. Почему бы не сконцентрироваться на поддержке государственных вузов вместо того, чтобы платить за расширение частного образовательного сектора?

.....

Изменение баланса государственного и частного секторов в системе высшего образования Польши

Марек Квик

Марек Квик — директор Центра по изучению публичной политики и заведующий кафедрой ЮНЕСКО по институциональным исследованиям и политике в области высшего образования Университета им. Адама Мицкевича в Познани, Польша. E-mail: kwiekt@amu.edu.pl.

Польша представляет собой интересный кейс для изучения влияния стремительного демографического спада на баланс государственного и частного секторов высшего образования. С точки зрения международного наблюдателя, кейс Польши показывает, насколько хрупок частный сектор, основная доля которого досталась субсектору, направленному на скорейшее удовлетворение рыночного спроса на высшее образование, при том условии, что этот субсектор вынужден действовать в обстоятельствах демографического спада и одновременно масштабного бюджетного финансирования государственных вузов. Этот кейс также показывает, насколько сильна взаимозависимость частного и государственного секторов высшего образования. Кроме того, Польша является интересным примером системы, в которой государственный сектор высшего образования содержится за счет налогов, а частный — за счет сбора платы за обучение, и при этом демографические прогнозы говорят о том, что стабильного роста численности абитуриентов ожидать не стоит.

В двух словах о том, что происходило в польском высшем образовании в последние десять лет. Количество студентов в государственных вузах по сравнению с их количеством в частных значительно увеличилось. Объем средств, вложенных государством в систему государственного высшего образования, существенно превысил суммы доходов частных университетов. Доля студентов-бюджетников в государственных вузах увеличивалась, а доля студентов коммерческой формы обучения, наоборот, уменьшалась. Частных вузов стало меньше. Таким образом, во времена коммунистического режима (1945-1989) польская система высшего образования была полностью государственной, в 1990-2005 годах, в период расширения, она стала смешанной — государственно-частной, а после 2005 года началась деприватизация, в результате которой роль частных вузов и частного финансирования постоянно сокращалась (период с 2006 по 2016 год). Вероятно, в 2025 году уже можно будет говорить о деприватизированной системе, доминирующая роль в которой будет принадлежать государственным вузам и бюджетному финансированию.

Расширение системы высшего образования

Историю польского высшего образования после 1989 года можно четко разделить на два периода: расширение (1990-2005) и сжатие (начиная с 2006 года). Первый характеризовался приватизацией (расширение частного сектора высшего образования; повышение значения взимаемой со студентов платы за обучение в системе финансирования государственных вузов). А нынешний период характеризуется деприватизацией. У деприватизации есть внутренний и внешний аспекты. Снижение на протяжении десяти лет численности абитуриентов, заинтересованных в поступлении в частные вузы, сопровождалось уменьшением зависимости государственных вузов от денег, приносимых студентами.

Ежегодное сокращение численности абитуриентов в Польше (самое высокое в Европе), вызванное демографическим спадом, сравнимо лишь с ситуацией в других посткоммунистических странах, таких как Болгария, Румыния, Словакия, Литва и Латвия.

Частный сектор в период своего расширения процветал, а Польша догоняла Западную Европу по доле выпускников школ, получивших высшее образование: этот показатель вырос в пять раз, причем в Польше за гораздо более короткий промежуток времени, чем в других странах Западной Европы. Но когда Польша вошла, по словам Мартина Трау, в эру «универсализации», показатель начал постепенно снижаться. В 2007 году он достиг 51,1% по сравнению с 10% в 1989 году.

Сжатие системы высшего образования

Впервые влияние резкого демографического спада стало заметно в 2006 году, когда доля студентов, оплачивающих обучение, снизилась как в частном, так и в государственном секторе. В противовес этому общее количество студентов-бюджетников на протяжении последнего десятилетия стабильно росло, и за период с 2009 по 2014 год их доля увеличилась с 43,6% до 57,9%. Принимая в расчет демографический спад, скорость, с которой произошли изменения, связанные с источником финансирования обучения, просто поражает. Пока с точки зрения количества студентов это игра с нулевой суммой: государственные вузы выиграли ровно столько, сколько частные проиграли.

Доля студентов, самостоятельно оплачивавших обучение (т.е. всех студентов частных вузов и студентов-вечерников и заочников государственных вузов), была в период расширения системы довольно высокой по сравнению с аналогичным показателем в других европейских странах: она увеличилась с 46,6% в 1995 году до 58,6% в 2006 году. А сейчас, в период сжатия системы высшего образования, этот показатель, наоборот, снижается в противовес глобальной тенденции перераспределения издержек: в 2014 году он достиг 42,1% (в абсолютных цифрах это означает 618 000 человек против 1,137 млн в 2006 году), что влечет за собой серьезные финансовые последствия.

Историю польского высшего образования после 1989 года можно четко разделить на два периода: расширение (1990-2005) и сжатие (начиная с 2006 года).

По прогнозам профильного министерства, к 2022 году этот показатель снизится примерно до 20%. Подобная динамика заставляет по-иному взглянуть на проблему распределения издержек: одно дело — говорить о равенстве доступа к высшему образованию, когда шесть из десяти студентов самостоятельно оплачивают собственное обучение, и совсем другое — когда за обучение платят четыре (или даже два) из десяти, как это будет в ближайшие годы.

Расширению системы высшего образования в 1990-2006 годах способствовал приток государственного и частного финансирования. Государственное финансирование было очень значимо, но не менее значимы и для частных, и для государственных университетов были средства, получаемые от студентов. Частный сектор всегда чрезмерно зависел от платы, взимаемой со студентов, но государственный сектор на пике расширения системы тоже сильно зависел от денег студентов-вечерников и заочников, которые обеспечивали примерно 16-20% операционного бюджета государственных вузов. В государственном секторе доход, получаемый от студентов в форме платы за обучение, упал в 2010-2014 годах на 17,8% (или 97 млн долларов США), а в частном — на 28,8% (или 171 млн долларов).

Откат приватизации

Таким образом, можно говорить о происходящем откате приватизации: количество коммерческих студентов в государственном секторе снизилось в 2006-2014 годах почти наполовину (на 47,9%), а доля дохода, который они обеспечивали вузам, — с 16,2% до 9,4%. Частных вузов стало меньше на 12,6% (вместо 318 — 278), и частный сектор захватила волна слияний и поглощений. Наконец, прием в частные вузы стабильно снижался и за 2006-2014 годы сократился на 43,9% (в абсолютном выражении — с 640 тысяч до 359 тысяч студентов).

Увядание коммерческого частного сектора вряд ли можно повернуть вспять, что связано с демографическим спадом и расширением бюджетного приема в государственных вузах. Если период расширения системы высшего образования совпал с приватизацией, то сейчас наблюдается обратный процесс, и высшее образование все в большей степени зависит от государственного финансирования. Некогда смешанная государственно-частная система сейчас все больше ориентируется на государственные вузы и студентов-бюджетников. Значимым становится выбор не только между платным и бесплатным образованием, но и между более и менее престижными вузами, а частные вузы с их коммерческими интересами рассматриваются обществом как менее престижные.

Польша, как и некоторые другие посткоммунистические европейские страны, выделяется на глобальном фоне за счет того, что на протяжении последнего десятилетия частный сектор высшего образования

сдавал позиции как в абсолютном, так и в относительном выражении. Сейчас в Польше 278 частных вузов, но ожидать большого интереса к ним со стороны абитуриентов в ближайшие годы не стоит.

С политической точки зрения Польша не готова ни к повсеместному введению платы за обучение в государственных вузах, ни к введению государственных субсидий для студентов частных вузов, хотя последняя мера могла бы помочь частному сектору выжить. Введение платы за обучение — это политически деликатный вопрос в условиях европейского экономического кризиса.

Заключение

Баланс государственного и частного секторов в польской системе высшего образования смещается, притом что по количеству студентов, обучающихся в частных вузах, Польша по-прежнему опережает остальные страны Европейского союза. Несмотря на то что в большинстве стран мира наблюдается расширение системы высшего образования, в Польше и ряде других стран Центральной и Восточной Европы идут противоположные процессы, что связано в основном с демографическим спадом. В большинстве стран мира идет процесс перераспределения издержек в области высшего образования и расширения частного сектора, а Польша движется в обратном направлении. Интересно, что наблюдаемая в Польше тенденция к деприватизации высшего образования идет вразрез с глобальной тенденцией приватизации, при этом финансовые последствия данного процесса для Польши пока неясны.

Частное высшее образование в Тропической Африке: опыт Ганы

Генри Фрам Акплу

Генри Фрам Акплу — вышедший на пенсию старший преподаватель государственного Университета Кейп-Коста, ректор одного из частных университетских колледжей Ганы. E-mail: hakplu@gmail.com.

Дерегуляция образовательной сферы стала причиной феноменального роста сектора высшего образования Тропической Африки в течение последних примерно 25 лет — и по числу студентов, и по количеству вузов.

Так, например, если в 1957 году в Гане было всего два вуза и менее 3000 студентов, то в 2013-м уже 133 вуза и приблизительно 290 000 студентов, причем основной прирост пришелся на середину 1990-х годов. Опыт Ганы позволяет проанализировать движущие силы, политические факторы и изменения в области высшего образования, а также проблемы качества, с которыми столкнулись частные вузы, и то, как происходила интернационализация сектора на континенте в целом.

Факторы появления частного высшего образования

Расширение системы высшего образования Ганы в период между обретением страной независимости в 1957 году и началом 1990-х было ограничено целым рядом факторов, которые привели к превышению спроса над предложением. В 1990-х годах политехнические институты и другие организации послешкольного образования были переведены в статус вузов, а до этого высшее образование можно было получить только в университете. Низкая репутация этих учреждений делала их, в отличие от университетов, непривлекательными. Это одно из объяснений феноменального роста системы высшего образования в Гане. Можно выделить и другие факторы повышения спроса на высшее образование: быстрый демографический рост; ограниченность доступа к высшему образованию за счет необходимости сдавать сложный единый вступительный экзамен; высокие издержки; нестабильность государственного финансирования высшего образования; социалистическая идеология, препятствовавшая развитию частных вузов; низкая привлекательность профессионально-технического образования для молодежи по сравнению с университетским. В результате этого сложилась ситуация, при которой спрос на высшее образование настолько опережал предложение, что в какой-то момент в вузах не оказалось мест более чем для половины квалифицированных абитуриентов (51%). В 1966-1990 годах, когда было всего три университета, в стране постоянно проходили студенческие протесты и забастовки, вузы то и дело закрывались, в связи с чем учебный процесс шел с перерывами. Было ясно, что изменения неизбежны.

Сочетание глобальных факторов подтолкнуло правительство Ганы к тому, чтобы в начале 1990-х дать частным организациям возможность предлагать высшее образование. К этим факторам относились демократизация и массовизация образования, коллапс социалистической идеологии, распространение рыночной экономики и развитие идеи о государственно-частном партнерстве. Некоммерческие религиозные и коммерческие частные организации, которые до этого на протяжении десятилетий работали в сфере начального и среднего образования, захотели выйти и на рынок высшего образования, который характеризовался избыточным спросом.

Регулирование частных вузов

В рамках стремительных образовательных реформ, начавшихся в 1987 году, частные организации получили доступ к сектору высшего образования, и параллельно с этим происходил процесс дерегуляции государственных вузов. В 1993 году был создан Национальный аккредитационный совет (NAB) — национальный орган по контролю качества высшего образования, призванный руководить и направлять процесс дерегуляции. В период до 2000 года в стране было менее 15 частных вузов, а к 2015-му их количество возросло до 106, что превысило количество государственных вузов (83). Кроме того, действует 55 неаккредитованных вузов, информация о которых собирается Национальным аккредитационным советом и публикуется в СМИ к сведению широкой общественности.

Перемены

Распространение частных вузов и общая экономическая либерализация середины 1990-х годов трансформировали образовательный ландшафт Ганы. Сейчас частных вузов больше, чем государственных, но ежегодно туда поступает менее четверти от примерно 340 000 всех абитуриентов страны. Частные вузы сделали сектор высшего образования, некогда являвшийся монополией государства, более динамичным и конкурентным и привнесли в него рыночные элементы. К примеру, появились альтернативы очной форме обучения. Частные вузы набирают абитуриентов два раза в год и предлагают гибкое расписание: можно учиться по выходным или по вечерам, что подходит работающим людям. Они также активно привлекают студентов из других стран и разрабатывают инновационные образовательные программы, для того чтобы застолбить за собой новые ниши. Но обучение в области естественных и технических наук дают лишь немногие частные вузы. Большинство из них открывает менее капиталоемкие образовательные программы, в частности в сфере менеджмента или бизнес-администрирования. В ответ на политику либерализации государственные вузы тоже стали внедрять рыночные практики. К примеру, они начали открывать специальные коммерческие программы и принимать на коммерческой основе абитуриентов, которым не хватило баллов для поступления на бюджетные места. Одним из наиболее заметных изменений в сфере государственного высшего образования стал перевод государственного Института менеджмента и госуправления Ганы (GIMPA) на самоокупаемость. В целом либерализация последних двух десятилетий способствовала стабилизации и укреплению сектора высшего образования в Гане.

Проблема качества частных вузов

В связи с бурным развитием сектора частного высшего образования остро встали вопросы, связанные с качеством. Ключевой из них: могут ли частные вузы

привлечь человеческие и материальные ресурсы, необходимые для обеспечения качественного образования. Некоторые коммерческие и религиозные вузы оправдали возложенные на них надежды и даже превзошли ожидания, но большинству частных вузов до них далеко. Основная проблема — разброс качества преподавателей, работающих в частном секторе. В целом лишь 23% преподавателей частных вузов имеют высшую ученую степень по своей дисциплине (хотя степень магистра есть у всех). Но в некоторых вузах вообще нет преподавателей с учеными степенями, как того требует Национальный аккредитационный совет, так что им еще многое предстоит сделать. В кратко- и среднесрочной перспективе удовлетворить спрос на квалифицированные преподавательские кадры не получится, поэтому большинству частных вузов придется нанимать на неполную ставку преподавателей, многие из которых работают в нескольких вузах одновременно.

В ответ на общественную обеспокоенность Национальный аккредитационный совет начал ужесточать правила контроля качества высшего образования. Теперь для того, чтобы получить право выдачи собственных дипломов (аккредитацию), новый частный вуз должен сначала как минимум десять лет отработать под «наставничеством» уже имеющего аккредитацию вуза. Пока аккредитацию получили лишь три частных вуза (все они аффилированы с религиозными конфессиями). Каждый аккредитованный частный вуз проходит внешнюю аттестацию минимум раз в четыре года, и по ее результатам аккредитация может быть либо продлена, либо отозвана. За последние 15 лет NAV отозвал аккредитацию у четырех вузов и временно лишил еще пять вузов права зачислять новых студентов, пока они не устранят определенные недоработки. Однако произошедшее в 2014 году неожиданное закрытие обанкротившегося частного вуза выявило ряд пробелов в законодательстве. Для предотвращения повторения подобной ситуации NAV ввел новое требование: теперь вуз, который претендует на аккредитацию, должен заручиться банковской гарантией на сумму, эквивалентную 500 000 долларов США. Тем не менее обеспечение качества образования остается под вопросом, потому что регулярно появляются новые, неаккредитованные частные вузы, которые спекулируют на высоком спросе на образование. Пока у NAV нет легальной возможности борьбы с подобными неаккредитованными заведениями.

Углубление интернационализации

Развитие частных вузов и либерализация образовательного рынка способствовали интернационализации высшего образования в Гане. В стране стали открываться филиалы зарубежных вузов; увеличилось количество международных студентов; вузы начали реализовывать совместные с зарубежными партнерами образовательные программы и выдавать совместные дипломы, перенимать иностранные

модели управления высшим образованием. В 2012–2013 учебном году численность иностранных студентов в частных вузах доходила до 12,6%, а в государственном секторе этот показатель составлял всего 2%, что относительно мало, но что было немыслимо еще два десятка лет назад. Некоторые частные вузы сотрудничают с вузами Германии, Швеции, Дании, США, Великобритании и реализуют у себя их образовательные программы, поэтому обучающиеся в Гане студенты имеют возможность получить иностранный диплом. Визовые требования к гражданам Ганы, которые хотели бы учиться в Европе или Северной Америке, стали гораздо жестче, что, вероятно, будет способствовать развитию еще более тесного сотрудничества местных и иностранных вузов и, соответственно, углублению интернационализации ганского высшего образования.

Некоторые частные вузы сотрудничают с вузами Германии, Швеции, Дании, США, Великобритании и реализуют у себя их образовательные программы, поэтому обучающиеся в Гане студенты имеют возможность получить иностранный диплом.

Будущее частных вузов

На текущий момент частные вузы решают в первую очередь задачу удовлетворения избыточного спроса на высшее образование, которую бесплатные государственные вузы решить не в состоянии. С другой стороны, появляются элитные частные вузы, которые хотят привлечь абитуриентов из богатых семей как из Ганы, так и из-за границы. Можно с уверенностью утверждать, что развитие частных вузов вскоре замедлится в связи с ужесточением предъявляемых к ним требований.

Университеты Кении и их филиалы

Ишмаэль И. Мунене

Ишмаэль И. Мунене — доцент отделения по изучению ведущих образовательных практик Университета Северной Аризоны, США. E-mail: Ishmael.Munene@nau.edu.

19 января 2016 года Комиссия по университетскому образованию Кении продемонстрировала беспрецедентную принципиальность, приказав государственному Университету Кисии закрыть 10 из 13 его филиалов и перевести 15 000 студентов, которых затронула эта ситуация, в центральный кампус. Таким образом, общее число закрытых властями филиалов вузов достигло 20. Это решение стало своего рода кульминацией намерений государства по сдерживанию процесса разрастания вузов путем открытия низкокачественных филиалов с целью удовлетворения спроса на высшее образование и возврату к традиционной системе специализированных высокоуровневых университетов. Это также стало ответом на обеспокоенность общества снижением качества высшего образования в результате его коммерциализации. Крупные университеты имеют довольно долгую историю развития филиальной сети. Проблема состоит в том, что в последние десять лет количество этих филиалов скачкообразно росло.

В настоящее время кенийский образовательный ландшафт, и особенно его государственный сектор, представляет собой множество разбросанных по стране и конкурирующих за одних и тех же абитуриентов вузов. Если еще десять лет назад модель «центральный кампус — филиалы на периферии» воспринималась как панацея в условиях высокого спроса на высшее образование и необходимости диверсификации прибыли в эпоху неолиберализма, то сейчас к ней относятся с подозрением. Данная модель вобрала в себя худшие аспекты процесса расширения системы высшего образования, вызванного повышением общественного спроса и коммерциализацией в условиях слабого регулирования.

Стимулы к увеличению количества филиалов

Говоря о стремительном увеличении количества филиалов государственных вузов в последнее десятилетие, нужно подчеркнуть, что бюджетные ограничения и необходимость обеспечения физической досягаемости вузов и равенства доступа к высшему образованию стали основными стимулирующими факторами этого процесса.

Но самым значимым фактором размножения филиалов кенийских университетов стала необходимость

диверсификации прибыли. Бюджетные ограничения конца 1990-х годов и последующее сокращение государственных средств на высшее образование вынудили вузы войти в мир коммерции в поисках новых источников дохода. Вузы выбрали малозатратную модель увеличения прибыли, предполагающую открытие недорогих филиалов, ориентированных на привлечение выпускников школ, готовых самостоятельно оплачивать свое обучение, и работающих взрослых. Филиалы расположены преимущественно в маленьких провинциальных городках и предлагают простейшие курсы по бизнесу, гуманитарным и педагогическим наукам в изложении низкоквалифицированных преподавателей, работающих на условиях неполной занятости. А студенты платят за обучение по рыночным расценкам, обеспечивая большую часть дополнительного дохода вузов. Поскольку открыть филиал недорого, а денег он будет приносить много, университетам сложно удержаться от соблазна создать как можно больше филиалов.

Количество университетов в Кении возросло от одного до 43 аккредитованных вузов (33 государственных и 10 частных), но это не решило задачу обеспечения доступности высшего образования: нынешние 324 000 студентов представляют всего 30% своей возрастной группы. Количество выпускников школ в разы превышает количество мест в вузах, и одновременно растет число заинтересованных в получении высшего образования работающих взрослых. При этом наиболее логичным способом открытия новых филиалов руководители университетов считают аренду помещений, т.к. в условиях сокращения бюджетных дотаций денег на капитальное строительство у вузов нет.

Большая часть государственных и частных университетов расположены в крупных городских центрах и богатых сельскохозяйственных районах в центре и на западе страны, а во многих крупных регионах университетов вообще нет. К тому же эти неудачно расположенные регионы еще и бедны. Поначалу

**Данная модель
вобрала в себя худшие
аспекты процесса
расширения системы
высшего образования,
вызванного повышением
общественного спроса
и коммерциализацией
в условиях слабого
регулирования.**

власти рассматривали открытие дешевых филиалов в этих регионах как способ убить сразу двух зайцев: обеспечить равный доступ к высшему образованию и помочь в развитии экономики. Поэтому неудивительно, что многие университетские филиалы появились именно в низкодоходных регионах Кении — на побережье, на востоке и на северо-востоке страны.

Решение социальных задач, с точки зрения властей, оправдывало все риски, связанные с формированием системы высшего образования, включающей большое количество низкокачественных филиалов. Однако такая политика оказалась палкой о двух концах, и повышение доступа к образованию стало причиной снижения качества.

Проблема справедливого доступа и качества

Общество больше всего заботит качество образования в филиалах университетов. Их физическая инфраструктура и профессорско-преподавательский состав выглядят очень слабо по сравнению с центральными кампусами. Расположенные в небольших сельских городках филиалы вынуждены делить помещения с коммерческими организациями, такими как пабы, рестораны, супермаркеты, автобусные станции или даже бордели. У них нет библиотеки, нет интернета, нет отдела по работе со студентами, нет зон отдыха. Обычно у филиала есть директор, и он единственный, кто работает на полную ставку, а преподаватели — это, как правило, внештатники, имеющие максимум диплом магистра, часто сомнительного качества. В филиалах редко организуются научные конференции и семинары. Подобная ситуация не только не способствует развитию качественной образовательной среды, но и ведет к дальнейшему разделению преподавания и науки, причем даже в ведущих университетах страны. Как ни парадоксально, многие филиалы при этом намереваются открывать научно ориентированные магистерские программы.

Все университетские филиалы объединяет одна черта — удивительная академическая узость. Доминируют коммерчески успешные образовательные программы в таких наиболее востребованных направлениях, как бизнес, экономика, управление проектами. К другим популярным областям относятся педагогические, гуманитарные и социальные науки. Филиалы редко готовят специалистов в инженерных, естественных или медицинских науках. Они являются периферийным придатком, призванным приносить доход и снижать спрос, и центральное университетское руководство не хочет открывать программы, которые потенциально могли бы привести к тому, что филиалы начали бы конкурировать с основным кампусом за бюджетные места и государственное финансирование.

С одной стороны, распространение филиалов действительно сделало высшее образование доступным

большому числу людей. С другой, это обнажило наличие связи между социальным статусом и доступностью высшего образования в Кении. Расположенные в сельских регионах филиалы привлекают абитуриентов низкого социально-экономического происхождения, которые готовы платить за образование потому, что плохо сдали экзамены и не могут претендовать на государственную стипендию. А стипендии и, соответственно, места в ресурсообеспеченных центральных кампусах достаются преимущественно абитуриентам из привилегированных семей. В результате данная модель привела к двойным стандартам в государственных университетах, когда в центральных филиалах учатся студенты из состоятельных семей, а студенты низкого социально-экономического происхождения чаще всего вынуждены учиться в филиалах. Таким образом, модель создания филиалов на самом деле не помогает обеспечивать равный и справедливый доступ к высшему образованию.

Пересмотр нынешней модели

Коренным образом нынешняя кенийская модель высшего образования не изменится, т.к. в условиях коммерциализации образовательного сектора она обладает большими преимуществами. В настоящее время Комиссия по университетскому образованию Кении стремится сделать так, чтобы все кампусы отвечали минимально приемлемым стандартам, что вполне адекватно в краткосрочной перспективе. Но очевидно, что в долгосрочной перспективе стоит задача пересмотра всей университетской системы. Государство вынуждено поддерживать филиалы, которые не просто делают высшее образование формально более доступным, но и способствуют решению значимых для региона социально-экономических и культурных задач. Для этого необходимо нанимать квалифицированных преподавателей, подстраивать спектр предлагаемых образовательных программ под нужды региона, развивать науку, обучать аспирантов. Если дать филиалам большую административную автономию в некоторых финансовых и академических вопросах, качество принимаемых по ключевым вопросам решений повысится. Некоторые подтверждения этой гипотезе можно наблюдать на примере колледжей Университета Найроби.

Чилийские университеты: мифы о бесплатном образовании

Ариана Де Гайардон, Андрес Бернаскони

Ариана Де Гайардон — аспирантка Школы образовательных наук Линча Бостонского колледжа и ассистент Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: ariane.degayardon@bc.edu.

Андрес Бернаскони — доцент и заместитель декана Школы образовательных наук Папского католического университета Чили. E-mail: abernasconi@uc.cl.

В ходе диктаторского правления генерала Пиночета (1973-1990) сектор частного высшего образования в Чили расширился, а государственные вузы впервые начали взимать плату за обучение. Сейчас, три десятилетия спустя, Чили уступает остальным членам ОЭСР по доле средств в общей структуре национальных расходов, выделяемых на образование. При этом по стоимости обучения чилийские вузы уступают лишь частным вузам США (в пересчете на ВВП на душу населения).

В 2011 году по Чили прокатились массовые студенческие демонстрации против маркетизации высшего образования, участники которых требовали помимо прочего бесплатного высшего образования для всех. Себастьян Пиньера (президент от Консервативной партии в то время) не уступил этому требованию демонстрантов, но согласился значительно расширить программу финансовой помощи студентам. Однако протесты не прекратились, и в 2013 году нынешний президент, а тогда кандидат в президенты от социалистов Мишель Бачелет пообещала в рамках своей предвыборной программы сделать высшее образование бесплатным. С момента своего избрания Мишель Бачелет и ее команда работают над исполнением этого обещания. И в конце 2015 года конгресс принял закон, нацеленный на то, чтобы сделать высшее образование в стране бесплатным.

Закон о бесплатном высшем образовании от декабря 2015 года

Расписание-календарь конгресса на 2015 год было и без того переполнено, к тому же у правительства не было достаточных технических и материальных ресурсов для разработки и обсуждения с вузами приемлемого механизма их перевода на государственное финансирование, поэтому оно решило включить пункт об отмене платного обучения для определенных групп

студентов и определенных вузов в проект образовательного бюджета 2016 года. Спорная законодательная стратегия правительства вызвала противостояние в конгрессе с точки зрения ее конституциональности, но тем не менее в декабре 2015 года конгресс принял предложенный правительством законопроект.

Согласно бюджету на образование на 2016 год студенты, чьи семьи относятся к 50% наиболее бедных в стране (т.е. чей подушевой ежемесячный доход меньше 250 долларов США), смогут получать высшее образование бесплатно. Однако воспользоваться этим правом смогут только студенты государственных и частных вузов, принимающих участие в этом правительственном «эксперименте». Участниками этой программы могут стать только некоммерческие университеты, получившие аккредитацию не менее четырех лет назад.

В 2016 году участвовать в программе по предоставлению бесплатного высшего образования будет 30 университетов (половина всех чилийских университетов). По подсчетам, 30 000 абитуриентов смогут поступить на первый курс на бюджетные места, а еще 80 000 студентов старших курсов продолжат свое обучение бесплатно. Есть еще группа студентов, статус которых пока не определен. Однако Министерство образования надеется, что в 2016 году сможет обеспечить бесплатным высшим образованием 160 000 человек, что составляет, однако, всего 15% от общего числа студентов в стране, так что до заявленной цели «Бесплатное высшее образование для всех» еще далеко. Правительство представляет программу нынешнего года как первый этап процесса, который должен завершиться к 2020 году, когда все послешкольное образование станет бесплатным, если государственный бюджет будет это позволять.

Повышение доступности?

Студенты — участники демонстраций 2011 года заявляли, что отмена платы за обучение позволит обеспечить более широкий доступ к высшему образованию. Однако на практике новые законы вряд ли будут этому способствовать. Нет никаких подтверждений тому, что абитуриенты, поступающие в 2016 году, не пошли бы в вузы, если бы правительство не отменило для них плату за обучение, и не воспользовались бы существовавшими до 2016 года возможностями получить стипендию или кредит на покрытие стоимости обучения. Более того, по данным ведущего социально-экономического опроса домохозяйств в Чили (CASEN), лишь 17% молодых людей из 10% беднейших домохозяйств ответили, что не будут продолжать образование после школы по финансовым соображениям. А основными причинами не продолжать обучение стали отсутствие аттестата о среднем образовании или провал на квалификационных экзаменах. Таким образом, похоже, что для того, чтобы повысить доступность высшего образования в Чили, нужно либо улучшить качество школьной системы, либо пересмотреть требования к абитуриентам.

Согласно бюджету на образование на 2016 год студенты, чьи семьи относятся к 50% наиболее бедных в стране (т.е. чей подушевой ежемесячный доход меньше 250 долларов США), смогут получать высшее образование бесплатно.

К тому же новый закон затрагивает только университеты, в то время как молодые люди из социально и экономически неблагополучных семей, как правило, получают профессионально-техническое образование. Поэтому было бы желательно уже в 2017 году распространить действие нового закона на техникумы и профессионально-технические колледжи, чтобы как можно больше людей неблагополучного происхождения смогли воспользоваться новыми возможностями. Однако пока непонятно, позволят ли бюджетные ограничения сделать это быстро (если вообще позволят).

В любом случае политика правительства изначально нацелена не на повышение доступности высшего образования, а на решение принципиального вопроса: если образование — это право человека, то оно должно быть бесплатным.

Выбор университетов

Частные вузы могут самостоятельно решать, участвовать ли им в программе. В 2016 году в ней участвуют все 16 государственных университетов страны, а из частных вузов к ней присоединились только 14. Еще 13 отказались от участия, а один не соответствовал требованиям. Государственные субсидии на покрытие стоимости обучения студентов, которые раньше оплачивали обучение самостоятельно, рассчитываются таким образом, что доход некоторых университетов сократится. Правительство не будет оплачивать полную стоимость обучения за каждого бесплатного студента, вместо этого оно будет выплачивать сумму, равную средней подушевой стоимости конкретной образовательной программы, рассчитанной путем деления средней стоимости обучения по данной специальности во всех университетах, длительность аккредитации которых совпадает. Предусмотрена надбавка размером максимум 20% для университетов, которые получают меньше, чем если бы каждый студент продолжал платить за себя самостоятельно. По сути, наиболее дорогие университеты, т.е. ведущие частные

вузы, не получают полной компенсации за бесплатных студентов и вынуждены будут либо самостоятельно искать новые источники дохода, либо сокращать издержки. Университеты, занимающие высокие строчки в рейтингах, могут рассчитывать на то, что получат дополнительные средства из других источников, будь то государственные или частные, а остальные неизбежно столкнутся с дефицитом бюджета, если решат присоединиться к программе.

Возникает проблема обеспечения социально-культурного многообразия и инклюзивности. Абитуриенты, получившие наивысшие баллы по результатам вступительных экзаменов (обычно это дети из довольно обеспеченных семей), наверняка выберут университеты, участвующие в программе. А все остальные, т.е. преимущественно дети из неблагополучных семей, будут вынуждены идти в менее качественные либо коммерческие вузы. В общем, равенство доступа к высшему образованию в Чили может стать огромной проблемой, как уже случилось, например, в Бразилии с ее системой бесплатного государственного высшего образования.

Бесплатно для всех

Принимая во внимание финансовые и другие проблемы, в то, что к 2020 году удастся сделать высшее образование полностью бесплатным, верится с трудом. Реализация программы в нынешнем виде стала возможной в результате повышения налогов для коммерческих фирм, которое пришлось на период замедления чилийской экономики в результате падения цен на медь. Низкая стоимость чилийского экспорта в настоящее время и вялый экономический рост не способствуют накоплению бюджетных средств, необходимых для расширения текущей программы и реализации других реформ образовательной сферы.

Действительно, повышение налогов в 2015 году позволило покрыть стоимость обучения примерно 200 000 студентов в 2016 году. Если изначально правительство намеревалось обеспечить бесплатным образованием студентов из 60% самых бедных семей, то сейчас пришлось снизить целевую планку до 50%. Будущее тоже выглядит безрадостно. Уже запланированы фискальные поправки на 2017 год, причем наибольший удар придется именно на образование. Непонятно, как это соотносится на практике с желанием правительства сделать бесплатным и профессионально-техническое образование.

В долгосрочной перспективе по-прежнему не ясно, как правительству удастся обеспечить бесплатным высшим образованием 1,2 млн студентов, обучающихся в государственных и частных вузах, и удастся ли. Другой вопрос заключается в том, а нужно ли это вообще?

.....

Последствия саудизации вузов: локализация в Саудовской Аравии

Манаил Анис Ахмед

Манаил Анис Ахмед — бывший директор по глобальному развитию ресурсов Университета Хабиб в Карачи, Пакистан. E-mail: manailahmed@gmail.com.

Первый университет Саудовской Аравии был основан в 1957 году. С тех пор академический сектор в стране рос быстрыми темпами, причем большинство преподавателей и административных сотрудников, привлеченных для создания и развития университетов, были иностранцами. Однако сейчас, когда количество молодых граждан Саудовской Аравии, имеющих диплом о высшем образовании, растет, рынку необходимо срочно интегрировать их во все сектора экономики, включая высшее образование. Нацеленность на локализацию кадров повлекла за собой ряд последствий с точки зрения управления вузами и найма преподавателей, ведения и финансирования научных исследований, а также подготовки новых студентов.

Саудизация: предпосылки, обстоятельства, проблемы

Политику Саудовской Аравии по замене иностранных работников гражданами своей страны называют саудизацией. Вплоть до недавнего времени эта богатая нефтью страна во многом зависела от иностранной рабочей силы. Однако сейчас все больше молодых граждан находятся в поиске хорошо оплачиваемой работы. К тому же рекордное количество молодых саудовцев возвращается после обучения за рубежом на средства Стипендиальной программы имени короля Абдаллы. Саудовской Аравии приходится прилагать много усилий для того, чтобы интегрировать национальные квалифицированные кадры в экономику страны. Эта политика повлияла на все отрасли экономики, включая, конечно, высшее образование.

Министерство труда Саудовской Аравии много сделало в последние годы для реализации законов о саудизации в области высшего образования, а государственные и частные вузы довольно быстро подчинились новым требованиям. Такая стремительная локализация кадров происходила в стране впервые, но академический сектор оказался в силу различных причин плохо подготовлен к резкой смене парадигмы.

Влияние на сферу высшего образования

Преподавательские и исследовательские должности в саудовских вузах по-прежнему распределяются между местными гражданами и иностранцами примерно

поровну, однако административный состав довольно быстро саудизировался. Еще недавно подавляющее большинство административных сотрудников вузов были иностранцами: менеджеры факультетов, методисты, административные директора исследовательских центров, менеджеры по международному взаимодействию, персонал, отвечающий за контроль качества, и т.д. и т.п. Это были люди, занимавшиеся созданием, развитием, поддержанием и обеспечением работы вузов, а также развитием научных и административных подразделений внутри университетов. В противовес этому отделам кадров было гораздо проще найти оправдание для найма иностранных преподавателей, чем искать граждан Саудовской Аравии, которые бы отвечали всем формальным требованиям, преуспевали в научной работе и были заинтересованы работать в университете. Благодаря этому, саудизация административного состава вузов, в отличие от профессорско-преподавательского состава, прошла сравнительно быстро.

Все это моментально сказалось на жизни университетов. Во-первых, все административные процессы значительно замедлились, что было обусловлено и особенностями саудовской трудовой культуры, и недостатком у новых администраторов опыта и профессиональной подготовки. Надо отдать должное руководителям саудовских вузов, которые быстро занялись этой проблемой. Новые администраторы получили первоклассные возможности для профессионального развития. Для проведения тренингов были привлечены консультанты, преимущественно из западных англоговорящих стран. Кроме того, многие получили возможность пройти продолжительные по времени тренинги с погружением в престижных зарубежных вузах. Однако результатом всех этих усилий стали новые административные, бюрократические и финансовые трудности университетов.

Проблема развития и поддержки науки

В соответствии с постоянно меняющимся трудовым законодательством все ключевые административные функции, такие как HR и финансы, должны занимать исключительно граждане Саудовской Аравии. Это привело к огромному сдвигу организационной культуры вузов с точки зрения развития систем поддержки научных исследований. Теперь все финансовые и логистические договоренности, связанные с научной

Политику Саудовской Аравии по замене иностранных работников гражданами своей страны называют саудизацией.

деятельностью, выполняются саудовцами, которые просто не знакомы с международными нормами в этой области. Так, например, время от времени сокращают расходы на исследования или средства на посещение конференций. Администраторы саудовского происхождения часто рассматривают эти траты как своего рода привилегии для достойных, а не как стандартную поддержку исследователей, отвечающих определенным требованиям.

В своей статье *How Saudi Arabia Can Create an Academic Oasis* (Times Higher Education, 22 мая 2014 года) Филип Альтбах пишет, что преподаватели — граждане Саудовской Аравии автоматически и сразу получают бессрочные трудовые контракты в государственных вузах вне зависимости от их профессиональной и/или научной продуктивности. В то же время иностранцы, которые по-прежнему составляют 42% преподавателей саудовских вузов, не могут получить постоянную должность, как бы хорошо они ни работали. Такие правила не стимулируют ни развитие институциональной лояльности, ни желание хорошо работать ни в одной из групп. Недавно при участии Национальной комиссии по аккредитации и оценке образовательных учреждений (NCAAA) Саудовской Аравии были разработаны и введены новые механизмы контроля качества, которые задают высокие стандарты преподавательской и исследовательской работы, но многие новые сотрудники из числа граждан страны — как преподаватели, так и управленцы — пока либо не знакомы с новыми требованиями, либо не понимают их.

Низкий уровень подготовки абитуриентов

Власти Саудовской Аравии настаивают на том, чтобы вузы страны занялись оценкой и повышением качества работы, ориентируясь на мировые стандарты. Это заслуживает одобрения. Однако проблема состоит в том, что уровень подготовки саудовских абитуриентов не соответствует требованиям, предъявляемым вузами, большая часть образовательных программ которых разрабатывалась при участии иностранных консультантов. Абитуриентам не хватает базовых навыков, необходимых для успешного обучения в бакалавриате, таких как письмо, счет, аналитические способности. Недостаточная подготовленность является результатом того, что образование в государственных школах Саудовской Аравии ориентировано главным образом на местную культуру, а высшее образование развивалось большей частью под влиянием западных стандартов. Чтобы преодолеть этот разрыв, все государственные и некоторые частные вузы начали проводить для абитуриентов специальные программы подготовки к поступлению.

Преподаватели и административные сотрудники саудовских вузов быстро поняли, что они просто не готовы соответствовать ими же внедренным международным стандартам и что принятые в вузах механизмы повышения качества противоречат всем остальным аспектам национальной образовательной системы. От преподавателей саудовских вузов ожидается, что они

будут помогать студентам достигать высоких результатов, что зачастую может быть сделано только путем нарушения профессиональной этики в преподавании и оценке письменных работ. Конечно, упрощение учебной программы и завышение оценок помогает вузам выдавать больше дипломов, но долго так продолжаться не может. Замещение иностранных преподавателей и администраторов местными побудило вузы заняться разработкой новых учебных программ, новых методов преподавания и оценки качества, а также новых стандартов исследовательской работы, которые бы в большей степени соответствовали уровню подготовки нынешних преподавателей и студентов.

Возможные решения

Локализация кадровой политики саудовских вузов позволила в итоге многим квалифицированным молодым гражданам страны найти работу. Выпускникам местных или иностранных вузов — обладателям диплома бакалавра, магистра или даже PhD поначалу было трудно найти подходящую работу в родной стране вне зависимости от сектора, потому что национальная экономика просто не была готова к замене (крайне многочисленной) иностранной рабочей силы местной и к неожиданной «атаке» со стороны местных кадров. Сектору высшего образования удалось в сложившейся ситуации абсорбировать достаточно много молодых саудовцев. Они получили главным образом административные должности, но некоторые стали также работать внештатными преподавателями, лаборантами, научными ассистентами или взяли на себя иные вспомогательные функции.

Саудизация вузов еще только началась и непременно будет развиваться. Королевство Саудовская Аравия по-прежнему выделяет значительные ресурсы на формирование в стране системы высшего образования мирового класса. Однако к необходимости скорейшей локализации рабочей силы нужно подходить осторожно. Министерству образования следовало бы сформулировать собственные рекомендации касательно саудизации рабочей силы. Во-первых, возможно, саудизацию административного состава вузов стоило бы проводить постепенно, параллельно обучая новых сотрудников и знакомя их с международными образовательными и научными стандартами. Кроме того, необходимо разработать новые механизмы контроля качества в области преподавания, науки и иных видов профессиональной деятельности членов профессорско-преподавательского состава и высшего руководства вузов, которые бы в большей степени отвечали местным потребностям. Наконец, необходим более скрупулезный подход к разработке образовательных программ на всех уровнях — от подготовительных курсов до собственно университетов. Только так вузы Саудовской Аравии смогут полноценно выполнять свою задачу обучения молодых сограждан в соответствии с актуальными стандартами, для того чтобы они могли впоследствии устроиться на хорошую работу.

Расширение системы высшего образования в Люксембурге как ответ на глобальные тенденции

Гангольф Брабанд, Джастин Пауэлл

Гангольф Брабанд — исследователь, Университет Люксембурга. E-mail: gangolf.braband@uni.lu.

Джастин Пауэлл — профессор, Университет Люксембурга. E-mail: justin.powell@uni.lu.

Общемировая тенденция расширения системы высшего образования довольно долгое время обходила Люксембург стороной. В отсутствие национального исследовательского университета Великое Герцогство не могло в полной мере реализовывать потребности в образовательной и научной деятельности. С учетом того, что Люксембург с его 543 тысячами жителей — очень многонациональная, многоэтническая и экономически процветающая страна, в отличие от других карликовых государств, такая ситуация казалась все более странной в условиях глобального перехода к экономике знаний. Обычно заинтересованным в получении высшего образования люксембуржцам приходилось ехать за границу. Долгое время это рассматривалось не как вынужденная мера, а как единственно верный подход, позволяющий формировать национальную элиту, обладающую обширными связями по всей Европе. Поэтому стимулов для развития высшего образования внутри страны не было.

Однако в связи с международной тенденцией к экспансии высшего образования и развитием процессов европеизации, в том числе Болонского процесса и Лиссабонской стратегии, к концу 1990-х годов ситуация начала меняться. В 1999 году люксембургский министр, отвечающий за высшее образование, подписал Болонскую декларацию. А еще через три года был создан Университет Люксембурга — первый и единственный в стране полноценный государственный университет.

Создание первого национального университета

Преыдущие попытки создания в Люксембурге университета (в XIX и XX веках) провалились, что и привело к формированию традиции получения люксембуржцами высшего образования за рубежом. Первые два года они обучались в своей стране, а затем за рубежом, находясь при этом под патронажем представителей люксембургских политических и общественных элит, что вело к формированию тесного и закрытого круга «избранных». В таких условиях изменения

не могли начать происходить изнутри, они неизбежно должны были прийти извне. Первый импульс дала рамочная программа Евросоюза по развитию науки (1984), но ее воздействие на систему высшего образования оказалось довольно незначительным. Последующие международные процессы вели лишь к небольшим подвижкам. Общество не выказывало недовольства в связи с отсутствием политической воли к образовательным инновациям, просто высшее образование находилось вне сферы общественных интересов.

Тем временем в мире набирала обороты интернационализация высшего образования, и это оказывало значительное влияние на развитие Люксембурга. Влиятельные представители профильного министерства решили воспользоваться средствами, предусмотренными Болонским процессом и Лиссабонской стратегией (которая, в частности, требовала увеличения государственных вложений в науку и инновации), чтобы побороть инертность среды и привлечь общественное внимание к теме высшего образования. Идея состояла в формировании прочной институциональной основы для обеспечения государственной поддержки науки путем создания университета, который предлагал бы качественное магистерское и аспирантское образование в востребованных национальной экономикой областях. Открытие нового университета в условиях продолжения традиции обучения за рубежом позволило бы расширить образовательные возможности для жителей Люксембурга, одновременно диверсифицируя национальную экономику и стимулируя развитие в стране экономики знаний.

Сторонникам реформ удалось открыть государственный университет, хотя процесс создания вызвал много вопросов, так как происходил в директивном порядке и был крайне непрозрачным и с минимальным привлечением широкой общественности. Такой подход привел к ряду непредвиденных результатов. Существовавшие ранее институты и колледжи были встроены в новый университет, который стал предлагать программы бакалаврского и профессионально-технического образования. Таким образом, произошло то, о чем никто и никогда не задумывался: всего за пару лет буквально из ниоткуда появился национальный исследовательский университет.

(Интер)национальный исследовательский университет

Парадоксально то, что процессы, связанные с размыванием европейских границ и повсеместной поддержкой развития географической мобильности, по времени совпали с периодом, когда Люксембург начал (наконец) вкладывать существенные ресурсы в создание национального университета. Университет Люксембурга стремится стать глобально конкурентоспособным путем концентрации финансовых и интеллектуальных ресурсов и опираясь на национальные

преимущества и приоритеты. Возможно, открытие университета в 2003 году стало своего рода прыжком в неизвестность, но именно тогда государство во главе с несколькими энтузиастами приняло на себя обязательства по проведению этого честолюбивого эксперимента по развитию национального научного потенциала. Одновременно с этим у молодых люксембуржцев, которые хотели получить высшее образование, не уезжая из дома, наконец-то появилась альтернатива. Создание Университета Люксембурга вызвало сопротивление материального и идеологического характера, которое было связано с давней традицией представителей элит получать высшее образование за рубежом с целью формирования международных связей. Но рост международной конкуренции и усиление роли надгосударственных организаций заставили Люксембург заняться развитием национальной системы высшего образования и поддержкой научных инноваций. Университет Люксембурга создает условия для диверсификации национальной экономики, основанной на сталелитейной промышленности и банковской отрасли, а также для интеграции жителей разного социального происхождения в политическую систему страны, которой до сих пор управляют местные элиты. Университет Великого Герцогства Люксембург ориентирован на принципы многонациональности, многоязычия и междисциплинарности и учитывает уникальный национальный контекст: маленький размер страны, но при этом нахождение в самом центре европейской политики и международного бизнеса.

Обучение в Университете Люксембурга ведется на английском, немецком и французском языках, благодаря чему его репутация постоянно улучшается, так как он на практике реализует международные нормы, в частности принципы Болонского процесса. Университет Люксембурга олицетворяет последнюю фазу институционализации европейского вуза. Будучи совсем молодым университетом, он сразу принял европейские стандарты как должное и является невероятно диверсифицированным, так как из 6287 студентов (в 2014-2015 году) более половины составляли иностранцы. Вне зависимости от гражданства студенты платят за обучение всего 200 евро за семестр. Таким образом, государство сделало высшее образование в Люксембурге доступным каждому, и оно стало привлекательным для студентов из самых разных стран мира. Люксембург представляет собой супермногонациональное общество с невообразимо высоким миграционным потоком, поэтому интернационализация с самого начала являлась краеугольным камнем создания и развития национального вуза. Задумывалось, что Университет Люксембурга будет ориентироваться в своей деятельности на сильные стороны своей страны, потребности региона и глобальные тенденции, поэтому он стремится заблаговременно выявить основные исследовательские направления, которые бы соответствовали люксембургскому экономическому

и географическому контексту, и пригласить со всего мира лучших преподавателей соответствующего профиля. Стратегия развития вуза, основанная на выборе ключевых приоритетов и успехах в международном сотрудничестве, привела к положительным результатам, и университет занял 193-е место в рейтинге Times Higher Educations за 2015-2016 год.

Грядущие трудности

Система высшего образования Люксембурга претерпела значительные изменения. До создания Университета Люксембурга ни политики, ни общество в целом практически не интересовались темой высшего образования. И это являлось значимым препятствием. Необходимость создания национального вуза изначально считалась вопросом спорным, и фактически его существование стало возможным исключительно благодаря настойчивости и вовлеченности ряда влиятельных политиков, которые не получили никакой общественной поддержки, хотя она была нужна не только для того, чтобы вуз получил политическую легитимацию и работал на решение национальных экономических задач, но и для того, чтобы он развивался. Поддержка нужна Университету Люксембурга для того, чтобы обрести настоящую институциональную автономию и превратиться из политического инструмента в организацию, которая действительно функционирует в соответствии с академическими принципами. Университет Люксембурга быстро заработал высочайшую международную репутацию, которая способствовала дальнейшей интернационализации всей страны. С другой стороны, в этом есть и свои трудности, т.к. в отсутствие закрепленного национального консенсуса по академическим вопросам национальное многообразие студенческого и кадрового состава, а также многообразие академических культур оказывают влияние на систему организации и управления университетом.

Даже будучи очень маленькой, страна может построить «информационное общество» только при условии существования (интер)национального исследовательского университета. В то время как многие более крупные европейские страны сталкиваются с проблемой содержания государственных университетов в эпоху Болонского процесса, Люксембург воспользовался открывшимися возможностями. Необычайно высокая степень интернационализации Университета Люксембурга является на данный момент одним из его преимуществ, хотя она и никак не способствует интеграции вуза в национальное общественное и культурное пространство. Пока он не займет более прочное место в национальной политике и культуре и не добьется большей организационной автономии, он так и останется уязвимым для политических капризов проектом.

.....

Новые публикации

Angulo, A. J. Diploma Mills: How For-Profit Colleges Stuffed Students, Taxpayers, and the American Dream. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2016. 224 pp. \$29.95 (pb). ISBN 978-1-4214-2007-3 www.press.jhu.edu

Книга посвящена историческому и современному анализу американских коммерческих университетов — индустрии, которая оценивается уже в 35 млрд долларов США. Автор крайне критически отзываясь о таких вузах, доказывает распространенность недобросовестных, мошеннических практик и говорит о других проблемах, которые характерны как для небольших бизнес-колледжей, так и для крупных рыночных игроков, таких как недавно обанкротившийся Corinthian College. Автор провел интересный исторический анализ вплоть до времен американской революции. Он тщательно проанализировал текущую ситуацию и пришел к выводу, что винить в ней нужно попустительскую государственную политику, а также недобросовестные корпорации и сами коммерческие вузы.

Axtell, James. Wisdom's Workshop: The Rise of the Modern University. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016. 416 pp. \$35 (hb). ISBN 978-0-691-14959-2 www.press.princeton.edu

Комплексный исторический анализ расцвета университетов на Западе с упором на зарождение и развитие американских исследовательских университетов. Автор начинает свой анализ со средневекового периода, затем пишет об Оксфорде и Кембридже и о немецкой модели исследовательского университета XIX века и выявляет тенденции, которые влияли на развитие высшего образования в США и сделали эту страну международным лидером в сфере образования и науки.

Bowen, William G. and Michael S. McPherson. Lesson Plan: An Agenda for Change in American Higher Education. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016. 162 pp. \$24.95 (hb). ISBN 978-0691172101 www.press.princeton.edu

Авторы этого критического исследования утверждают, что в США остро стоит проблема отсева в высшем образовании и его финансовой доступности. Они утверждают, что необходимо вернуть на прежний уровень бюджетное финансирование государственных вузов, которое сократилось в последние десять лет, а также финансовую поддержку нуждающихся студентов.

Chopp, Rebecca, Susan Frost and Daniel H. Weiss, eds. Remaking College: Innovation in the Liberal Arts. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2016. 232 pp. \$29.95 (pb). ISBN 978-1-4214-1135-4 www.press.jhu.edu

Размышления представителей высшего академического руководства американских колледжей и университетов о гуманитарных науках и бакалаврском образовании. Основной предмет данного сборника — реформа гуманитарных колледжей. Помимо этого, авторы затрагивают такие темы, как использование технологий и партнерств в гуманитарном образовании, взаимодействие с местным сообществом, проблемы управления и т.д.

Cole, Jonathan R. Toward a More Perfect University. New York: Public Affairs, 2016. 409 pp. \$29.99 (hb). ISBN 978-1-61039-265-5 www.publicaffairs.com

Дж. Коул, бывший ректор Колумбийского университета (Нью-Йорк) и автор книги The Great American University, пишет о необходимых, с его точки зрения, реформах в американском высшем образовании. Он обсуждает такие темы, как новые стандарты приема в бакалавриат, финансовая доступность высшего образования, информационные сообщества, междисциплинарность, отношения между университетами и государством и т.д. Несмотря на то что Коул пишет о США, многие из затронутых им вопросов актуальны и в других странах мира.

Martin, James, and James E. Samels, eds.
**The Provost's Handbook:
The Role of the Chief Academic Officer.**
**Baltimore, MD: Johns Hopkins University
Press, 2015. 320 pp. \$34.95 (pb).**
ISBN 978-1-4214-1626-7
www.press.jhu.edu

Сборник научных эссе о роли директора по академической работе в американском университете. Авторы рассматривают многочисленные должностные обязанности директора по академической работе: консультирование членов профессорско-преподавательского состава, стратегическое планирование, академический найм, работа со студентами, управление приемной кампанией, отношения с внешними сообществами и пр. Хотя этот сборник был подготовлен в США и о США, многие темы актуальны для широкой международной аудитории.

**Massy, William F. Reengineering the
University: How to Be Mission Centered,
Market Smart, and Margin Conscious.**
**Baltimore, MD: Johns Hopkins University
Press, 2016. 288 pp. \$32.95 (pb).**
ISBN 978-1-4214-1899-5
www.press.jhu.edu

Экономист и в прошлом административный сотрудник вуза пишет о реформе американской системы высшего образования, о роли и стоимости преподавательской работы, способах реорганизации академических учреждений, финансовом и бюджетном планировании, а также о других связанных с этим темах.

Merkx, Gilbert W. and Riall W. Nolan, eds.
**Internationalizing the Academy: Lessons
of Leadership in Higher Education.**
**Cambridge, MA: Harvard Education Press,
2015. 241 pp. (pb).**
ISBN 978-1-61250-866-5
www.harvardeducationpress.org

Во многих вузах международное образование уже признается отдельной профессиональной отраслью. Эта книга посвящена роли человека, который занимает относительно новую для американского вуза позицию — руководителя международного офиса. Отдельные главы посвящены карьере, управленческой роли таких руководителей и борьбе за перемены, которую они ведут.

Несколько первых глав авторы отвели обсуждению международного образования в США и международного ландшафта в целом. В книге обсуждается образование в США, но она будет полезна и руководителями любых вузов, которые обдумывают возможность введения подобной новой должности.

Michieka, Ratemo Waya.
**Trails in Academic and Administrative
Leadership in Kenya: A Memoir.**
**Dakar, Senegal: Council for the
Development of Social Science
Research in Africa, 2016. 303 pp. (pb).**
ISBN 978-2-86978-642-4
www.codesria.org

Ординарный профессор сельскохозяйственных наук Университета Найроби делится собственным опытом в сфере управления высшим образованием на протяжении 20 лет. Он пишет о том, с чем ему приходилось сталкиваться в качестве преподавателя, ректора и председателя ученого совета в период резкого ослабления в Кении государственного контроля в сфере высшего образования. Читателям будет интересно узнать, как руководителям кенийских вузов приходилось искать баланс между требованиями политической системы и необходимостью сохранить институциональные традиции в повседневной жизни в период беспрецедентного по кенийским масштабам расширения системы высшего образования.

**Pineda, Pedro. The Entrepreneurial
Research University in Latin America:
Global and Local Models in Chile
and Colombia, 1950-2015.**
New York: Palgrave Macmillan, 2015.
275 pp. \$100 (hb).
ISBN 978-1-137-54027-0
www.palgrave.com

Детально анализируя развитие исследовательских университетов в Колумбии и Чили, авторы этой книги обрисовывают исторический контекст обеих стран и текущие тенденции местного и глобального масштаба, влияющие на университетский сектор. Влияние на развитие колумбийских и чилийских университетов оказала борьба между глобальной культурой предпринимательства и местной институциональной средой. Отдельная глава посвящена роли католических университетов. Авторы завершают книгу обсуждением мирового опыта, который может быть полезен латиноамериканским вузам.

Shattock, Michael, ed., International Trends in University Governance: Autonomy, Self-Government, and the Distribution of Authority

Залог успеха любого вуза или академической системы — эффективная система управления. Редактор данного сборника утверждает, что повсеместная массовизация высшего образования и повышение роли научных исследований привели к существенным изменениям в процессе управления вузами и системами. Книга содержит кейсы таких ключевых в контексте образования стран, как США, Япония, Великобритания, Франция, Италия, Германия, Норвегия.

Stokes, Peter J. Higher Education and Employability: New Models for Integrating Study and Work. Cambridge, MA: Harvard Education Press, 2015. 200 pp. \$30 (pb). ISBN 978-1-61250-826-9 www.harvardeducationpress.org

Основная мысль автора этой книги заключается в том, что американские вузы — и, соответственно, все остальные мировые вузы — должны лучше готовить студентов к выходу на рынок труда. Автор говорит о том, что он вовсе не пытается выступать против традиционных академических ценностей, но рассматривает образование как подготовку к трудоустройству. Помимо тем общего характера, автор подробно описывает опыт трех американских университетов, реализующих инновационный подход к профессиональной подготовке студентов.

Streitwieser, Bernhard and Anthony C. Ogden, eds. International Higher Education's Scholar-Practitioners: Bridging Research and Practice. Oxford, UK: Symposium Books, 2016. 340 pp. \$72 (pb). ISBN 978-1-873927-77-9 www.symposium-books.co.uk

Сборник о деятельности людей, работающих в области международного образования. Это сборник эссе практиков данной сферы, которые размышляют о своем опыте, анализируют многочисленные роли, которые они выполняют, и рассуждают о различных элементах управления международным образованием.

Teichler, Ulrich and William K. Cummings, eds. Forming, Recruiting, and Managing the Academic Profession. Cham, Switzerland: Springer, 2015. 328 pp. \$129 (hb). ISBN: 978-3-319-16079-5 www.springer.com

Один из выпусков серии, посвященной изучению динамики академической профессии в международной сравнительной перспективе. В центре внимания авторов — академический найм, вознаграждение сотрудников, академическая работа и другие темы. В частности, можно узнать об особенностях академического найма в Швейцарии, о вознаграждении и импакт-факторе преподавателей в 18 других странах, о меняющихся карьерных путях преподавателей, об их удовлетворенности своей работой и пр.

Teitelbaum, Michael S. Falling Behind?: Boom, Bust and the Global Race for Scientific Talent. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2014. 261 pp. \$29.95 (hb). ISBN: 978-0-691-15466-4 www.press.princeton.edu

Автор этой книги о научных и инженерных кадрах в США утверждает, что стабильному росту спроса на таких специалистов способствовали политические меры, принятые американским правительством. Этому росту помогли новые структуры распределения государственного финансирования, решения в области иммиграционной политики, развитие стипендиальных программ и т.д. Автор доказывает, что США не испытывают недостатка в технических специалистах.

Temple, Paul, ed. The Physical University: Contours of Space and Place in Higher Education. New York: Routledge, 2014. 248 pp. (hb). ISBN 978-0-66231-4 www.routledge.com

Исследователи высшего образования редко пишут о физическом пространстве университета. Авторы данной книги рассуждают о физическом академическом пространстве, об архитектурных решениях, о связях между зданием вуза и окружающим пространством и т.д. Большинство глав так или иначе связано с Великобританией, но некоторые посвящены также Китаю, США и другим странам. В большинстве глав речь идет о конкретных кейсах.

Wellmon, Chad. Organizing Enlightenment: Information Overload and the Invention of the Modern Research University. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2015. 353 pp. \$44.95 (pb).

ISBN 978-1-4214-1615-1

www.press.jhu.edu

В основе исследовательского университета лежат идеи немецкого Просвещения, в частности представления фон Гумбольдта об университете. В книге анализируется развитие немецкого университета и развитие философской и научной мысли в XVIII и XIX веках. Это был судьбоносный период с точки зрения развития современного исследовательского университета, современных дисциплин и сопутствовавшей ему ориентации на науку.

Varghese, N. V. and Garima Malik, eds. India Higher Education Report, 2015. Abingdon, UK: Routledge, 2016. 467 pp. (hb).

ISBN 978-1-138-12117-1

www.routledge.com

Обстоятельное справочное издание (первое в серии ежегодных выпусков) содержит главы, посвященные ключевым темам современного высшего образования, таким как образовательная политика, тенденции расширения высшего образования, трудоустройство выпускников, научные тенденции, законодательное регулирование высшего образования, институциональная автономия и управление вузами и т.д.

Walenkamp, J. H. C., ed. The World's Mine Oyster: Studies in Support of Internationalization in Higher Education. The Hague, Netherlands: The Hague University of Applied Sciences, 2015. 203 pp. (hb).

ISBN 978-94-6301-022-1

www.eburon.nl

Сборник эссе по вопросам, связанным с интернационализацией, включая последствия внедрения английского в качестве языка обучения, взгляд выпускников и работодателей, трудоустраиваемость выпускников и интернационализация, отработка навыков международного общения в международной студенческой аудитории и т.д.

Zakaria, Fareed. In Defense of a Liberal Education. New York: W. W. Norton, 2015. 204 pp. \$23.95 (hb).

ISBN 978-0-393-24768-8

www.wwnorton.com

Автор, американский журналист, считает, что нынешняя ориентация на выработку у студентов определенных навыков не верна и что по-настоящему подготовить их к выходу на рынок труда XXI века может только гуманитарное образование широкого профиля. Конкретные аргументы, к которым прибегает автор, нацелены на американскую аудиторию, но его идеи могут быть интересны и представителям других стран.

Ziguras, Christopher, and Grant McBurnie. Governing Cross-Border Higher Education. New York: Routledge, 2015. 189 pp. (pb).

ISBN 978-0-415-73488-2

www.routledge.com

Всеобъемлющее практическое руководство по ключевым аспектам трансграничного высшего образования, таким как зарубежные филиалы вузов, студенческая мобильность, обеспечение качества разработанных за границей образовательных программ, управление потоками международных студентов, поиск и привлечение абитуриентов и т.д. Это издание содержит данные о многих странах и позволяет делать глобальные выводы.

.....

Новости Центра по изучению международного высшего образования

Центр по изучению международного высшего образования начал выпуск новой серии докладов *CINE Perspectives*. Первый выпуск, озаглавленный *Sage Advice: International Advisory Councils at Tertiary Education Institutions*, был подготовлен по результатам исследовательского проекта, проведенного центром при финансовой поддержке Всемирного банка. Планируется выпуск доклада, посвященного вопросам идентичности и интернационализации в католических университетах, а также будут опубликованы результаты исследования, основанного на глубинных интервью сотрудников Школы образования Линча Бостонского колледжа, участвующих в различных международных проектах.

По результатам очередного совместного проекта Высшей школы экономики и Центра по изучению международного высшего образования в конце 2016-го — начале 2017 года в издательстве «Рутледж» выйдет книга *International Faculty in Higher Education: Comparative Perspectives on Recruitment, Integration and Impact*.

Также опубликован шестой номер в серии *International Brief for Higher Education Leaders*, которую мы выпускаем в сотрудничестве с Американским советом по образованию. Выпуск, редакторами которого стали Лора Рамбли и Робин Хелмс, называется *Engaging with Europe: Enduring Ties, New Opportunities*.

Ханс де Вит в соавторстве с Жослин Гасель-Авила и Марселу Кнобелем написал статью под заголовком *The State of the Art of Internationalization of Higher Education in Latin America*, которую он представил на прошедшем 7-9 марта 2016 года в Боготе (Колумбия) форуме *Estudios de Contexto, Foro de Expertos Latinoamericanos en Educacion Superior: de las Buenas Ideas a la Acci3n*, состоявшемся благодаря финансовой поддержке Всемирного банка. 2-3 мая Ханс де Вит выступал в Бельгии на съезде Академии исследований и высшего образования (ARES) в Католическом университете Лёвена и в Свободном университете Брюсселя. 5 мая он выступил в Лиссабоне на конференции по интернационализации и рейтингам, организованной Международной экспертной группой по рейтингованию IREG. А 17-19 мая он выступал в роли модератора и докладчика на состоявшемся в Канкуне (Мексика) семинаре по академическому сотрудничеству. В семинаре участвовали представители вузов Мексики, Центральной Америки и Карибского бассейна, отвечающие за международные отношения и академическое

сотрудничество. 19 мая Лора Рамбли тоже выступала на этом семинаре, а 9 июня она модерировала сессию по продвижению ценностей в международных партнерствах на конгрессе сетевой организации «Ученые под угрозой» в канадском Монреале. Летом Филип Альтбах и Ханс де Вит будут выступать в Университете Гвадалахары и на собрании CINVESTAV в Мехико.

В августе Ханс де Вит и Лора Рамбли примут участие в конференции HEFAALA, которую организует в Университете Квазулу-Натал (Дурбан, ЮАР) Дэмтью Теффера — директор дружественной нашему центру Международной сети по вопросам высшего образования в Африке (INHEA). 20-24 августа Ханс де Вит и Лора Рамбли также посетят Глобальную конференцию по интернационализации, которая пройдет в южноафриканском Национальном парке Крюгера.

В августе Филип Альтбах примет участие в ряде конференций в Сингапуре и Малайзии, которые организованы в рамках сотрудничества между нашим центром и сингапурским аналитическим центром «Фонд HEAD», изучающим высшее образование в Юго-Восточной Азии. В октябре Филип Альтбах приедет в Казань для участия в осеннем заседании Совета по повышению конкурентоспособности российских университетов в рамках Проекта 5-100.

20 апреля наш центр принял делегацию из 35 руководителей бразильских университетов, которые занимаются формированием инновационного консорциума, нацеленного на повышение качества высшего образования. Встреча с бразильскими коллегами позволила обменяться опытом и рассмотреть возможности сотрудничества. В июне совместно с Институтом глобального лидерства Бостонского колледжа и Проектом 5-100 мы организовали программу профессионального развития для 23 российских ученых и административных руководителей в области интернационализации высшего образования. Помимо этого, в июне мы провели совместный с некоммерческим агентством World Education Services семинар «Меняющийся ландшафт глобального высшего образования и международной студенческой мобильности». А в июле мы проведем в Азии трехнедельную программу профессионального развития для членов Объединенного совета христианских вузов.

В настоящее время заканчивается первый набор на нашу новую магистерскую программу по международному высшему образованию. Мы продолжим рассматривать заявки, которые поступят в июне и июле 2016 года.

ИНИИ НИУ ВШЭ

Институт институциональных исследований НИУ ВШЭ (ИНИИ) осуществляет фундаментальные и прикладные исследования в области институционального анализа, экономики и социологии высшего образования и науки на основе мировых академических стандартов.

ИНИИ интегрирован в международную сеть исследователей высшего образования и сотрудничает с зарубежными экспертами в рамках сравнительных научно-исследовательских проектов в области развития высшей школы и социальной политики в сфере образования. В рамках долгосрочного сотрудничества с Центром по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) ИНИИ осуществляет издание русскоязычной версии бюллетеня «Международное высшее образование».

<http://cinst.hse.ru/>

«Международное высшее образование» — русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США), издается НИУ ВШЭ с 2014 года ежеквартально

Переводчик — Галина Петренко

Редактор перевода — Лариса Тарадина

Корректор — Ольга Першукевич

Дизайн, верстка — Владимир Кремлёв

Руководитель проекта — Мария Юдкевич
yudkevich@hse.ru

Координатор проекта — Наталья Денисова
ndenisova@hse.ru

101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20

Е-mail: ihe@hse.ru

Сайт журнала: www.ihe.hse.ru

ВЫПУСК

86

Лето
2016

